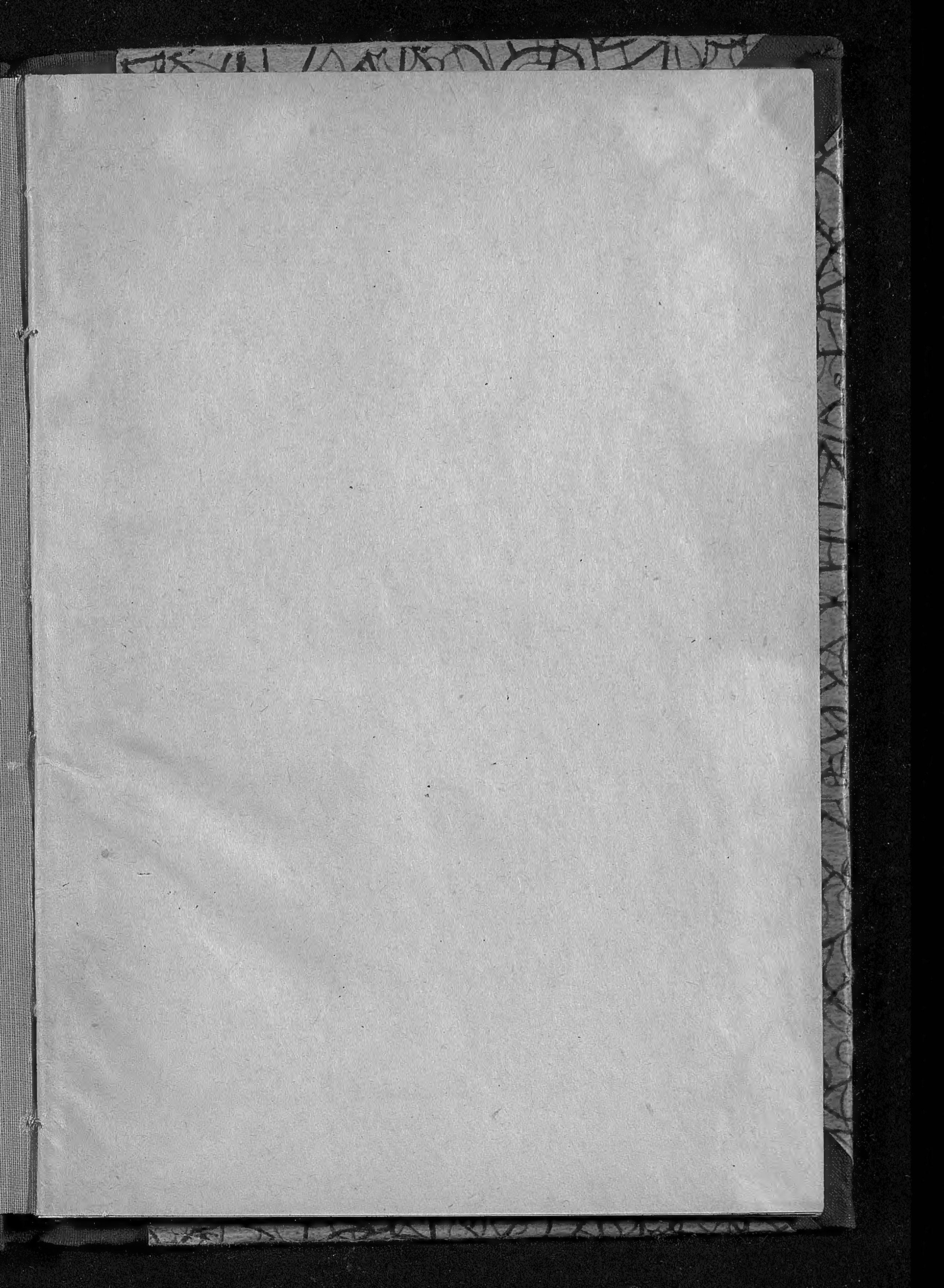
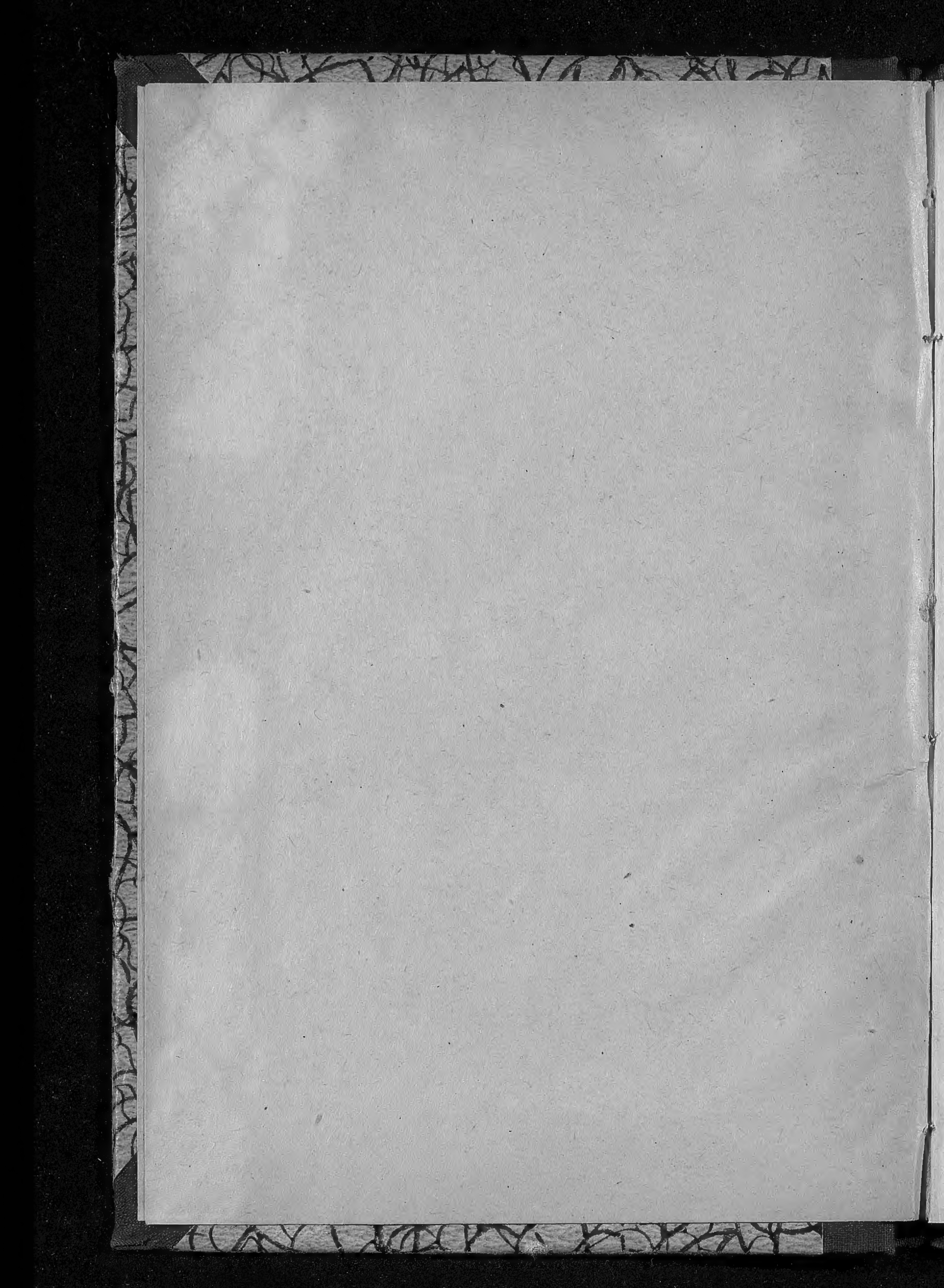

А. ЕРМАНСКІЙ

МАРКСИСТЫ НА РАСПУТЬИ

О СБОРНИКѢ „САМОЗАЩИТА"

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Издательство „КНИГА"
ПЕТРОГРАДЪ
Стремянная ул., д. № 11, тел. 648-62
МОСКВА
Б. Садов., д. Пигитъ, кв. 33, тел. 5-60-22

Петроградъ, дозволено военной цензурой 19 сентября 1916 г.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
ПЕТРОГРАДЪ, СУВОРОВСКІЙ ПРОСП., 32-Б.
1916.

Предисловіе ко второму изданію.

Выпуская въ свѣтъ свою брошюру, авторъ съ самаго начала видѣлъ ея существенные недостатки. Многое въ ней лишь отрывочно и бѣгло намѣчено; нѣкоторыя мысли только высказаны, какъ положенія, но не развернуты, даже не иллюстрированы фактическимъ матеріаломъ, хотя идейная возможность къ этому имѣлась полная.

Корень этихъ недостатковъ кроется не только въ полемическомъ характерѣ брошюры. Еще не настало время, когда возможно представить въ полномъ видѣ защищаемый авторомъ кругъ идей по коренному вопросу современности. По понятнымъ причинамъ приходится мириться съ отрывочностью, краткостью, недоговоренностью.

Если при всемъ томъ, скоро понадобилось второе изданіе брошюры,—надо думать, что и въ этомъ своемъ видѣ она даетъ нѣкоторое представленіе о защищаемой ею точкѣ зрѣнія на трактуемые вопросы.

Это и позволяетъ мириться съ перепечаткой перваго изданія безъ измѣненій.

Авторъ.

I. Кризисъ.

Скоро исполнится два года съ того дня, какъ въ жизнь культурнаго человѣчества ворвалась міровая война. Ворвалась съ силой стихіи, — точно *землетрясеніе,* съ которымъ военную катастрофу сближаетъ многое. Особенно сильно сближаетъ ихъ воздѣйствіе на психику людей, вызываемое ими рѣзкое нарушеніе психическаго равновѣсія человѣческихъ массъ.

Чтó во время землетрясенія вноситъ наибольшую пертурбацію въ психику человѣка, это—то, что земля уходитъ изъ подъ ногъ. *Неподвижная* земля, твердая почва подъ ногами—это для всякаго живого существа нѣчто основное, первичное, какъ дыханіе, кровеобращеніе. Чувство увѣренности въ устойчивой почвѣ подъ ногами перешло къ нынѣшнему человѣку по наслѣдству отъ безчисленныхъ вѣковъ жизни органической природы. И когда сейсмическія колебанія вдругъ уничтожаютъ эту устойчивость, — изъ стройной цѣпи взаимно связанныхъ психическихъ элементовъ выпадаетъ основное, исходное звено. И психическій міръ также теряетъ свою устойчивость.

Съ этимъ достаточно сопоставить хотя бы только внезапный разрывъ широкаго общенія между людьми и небывалое колебаніе цѣнности денегъ—послѣдствія, автоматически вызванныя повсемѣстно началомъ воен-

ной катастрофы. Для населенія культурнѣйшихъ странъ современной Европы, сдѣлавшихся очагомъ мірового пожара, непрерывность общенія между народами — такая же элементарная органическая потребность, какъ дыханіе или кровеобращеніе. А чувство увѣренности въ опредѣленной цѣнности мѣрила всѣхъ цѣнностей — денегъ — такой же основной элементъ коллективной психологіи капиталистическаго вѣка, какъ чувство увѣренности въ устойчивой почвѣ подъ ногами.

И вотъ внезапно въ одинъ моментъ оторвались другъ отъ друга главнѣйшія страны Европы. Прервалось всякое ихъ сообщеніе другъ съ другомъ, точно внезапно разверзлась между ними непроходимая пропасть, — и одна для другой стала недоступной, таинственной, потусторонней. Въ то же время съ головокружительной быстротой денежные курсы не то, что ринулись внизъ, а прямо совсѣмъ провалились, точно въ бездну. Люди, имѣвшіе въ своихъ карманахъ чеки и аккредитивы на крупныя суммы, внезапно оказались безъ всякихъ средствъ. Та почва, на которой построены были ихъ денежные расчеты, внезапно ушла изъ подъ ногъ. Покупательная цѣнность денегъ вообще стала зачастую очень и очень проблематичной.

Аналогичные удары и толчки отъ соціально-политическаго „землетрясенія“ испытаны были милліонами, десятками милліоновъ людей. У всѣхъ подъ ногами заколебалась почва — и у всѣхъ нарушилось психическое равновѣсіе. Въ психикѣ цивилизованнаго человѣчества образовался рядъ сдвиговъ и трещинъ. Не всѣ они могутъ уже теперь быть объяснены, даже не всѣ еще обнаружены, — на это потребуется еще не мало времени.

Изъ всѣхъ неожиданныхъ непосредственныхъ послѣдствій военной катастрофы врядъ-ли не наибольшимъ трагизмомъ отличается крахъ интернаціонала.

Этотъ крахъ имѣлъ не одинаковые размѣры и — главное — неодинаковое практическое значеніе въ разныхъ странахъ культурнаго міра. Въ западно-европейскихъ государствахъ онъ не только вызвалъ идейный разладъ, но и опредѣлилъ собою въ значительной степени ходъ событій, бросивъ на чашку вѣсовъ почти полностью тотъ удѣльный вѣсъ, которымъ обладаютъ — въ однихъ государствахъ больше, въ другихъ меньше — отдѣльные отряды второго интернаціонала. Въ условіяхъ убогой россійской общественности, при скудости практически-политическаго удѣльнаго вѣса нашихъ демократическихъ силъ, — о такомъ практическомъ вліяніи не могло быть рѣчи. У насъ кризисъ, почти не отражаясь на сферѣ *бытія*, ограничился областью *сознанія*.

Но здѣсь — по крайней мѣрѣ, въ кругахъ, являющихся носителями марксистской идеологіи, при всей относительной скромности ихъ объема — трещина все больше оформляется и грозитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, разростись до размѣровъ пропасти. Трагизмъ положенія сказывается тутъ, быть можетъ, ярче всего въ томъ обстоятельствѣ, что въ образовавшуюся щель залѣзаютъ не только мастера по этой части, вродѣ г. Изгоева, сдѣлавшаго изъ этой профессіи spécialité de la maison, но и беллетристы, глубокій политическій смыслъ которыхъ достаточно отпечатлѣлся на страницахъ „Биржевки“, „Отечества“ и пр....

Дать исчерпывающее изслѣдованіе этого кризиса — повторяю — еще не наступило время: это будетъ возможно сдѣлать только впослѣдствіи, отойдя на достаточное разстояніе отъ неожиданно разыгравшихся событій. Но *что* произошло, въ какія формы выливается кризисъ, — это выясняется уже и теперь на цѣломъ рядѣ проявленій.

II. Два фазиса.

Однимъ изъ такихъ проявленій служитъ вышедшій недавно „марксистскій“ сборникъ одиннадцати авторовъ.

Habent sua fata libelli! Сборникъ этотъ—коллективный трудъ той части марксистовъ, позиція которой совершила характерную эволюцію за время, протекшее съ начала военной катастрофы.

Немногими фактами, какъ вѣхами, обозначается путь этой эволюціи. Въ самомъ началѣ войны группа марксистовъ въ Москвѣ выступила съ однимъ заявленіемъ, въ составленіи котораго участвовали—что весьма знаменательно — представители самыхъ различныхъ фракціонныхъ теченій марксизма. Коллективный психозъ, охватившій въ ту пору чуть не всѣ слои, и не только въ Россіи, былъ такъ силенъ, что увлекъ и многихъ московскихъ марксистовъ, трогательно объединивъ представителей прямо противоположныхъ теченій.

Позиція этого заявленія отличалась однимъ достоинствомъ—ясностью, откровенностью. Была тутъ, правда, пущена въ ходъ діалектическая форма: пусть, дескать, у самихъ союзниковъ не все обстоитъ благополучно,— Англія, напримѣръ, гладитъ населеніе своей Индіи противъ шерсти, и, конечно, не только одна Англія,— но объективная логика положенія заставляетъ союзниковъ противъ воли осуществлять демократическія задачи. По существу-же заявленіе пѣло совсѣмъ въ унисонъ съ общераспространенной либеральной концепціей: война имѣетъ освободительный характеръ, ведетъ къ освобожденію угнетенныхъ народностей (Балканы, Бельгія), къ осуществленію демократическихъ цѣлей. И отсюда дѣлался прямой и откровенный выводъ: марксисты должны и вотировать необходимыя финансовыя средства, и оказывать всяческое содѣйствіе.

Почти одновременно принято было заявленіе и группой петроградскихъ марксистовъ изъ „Нашей Зари“, примкнувшихъ вскорѣ къ журналу „Наше Дѣло“. Ихъ концепція была въ сущности та же—съ той лишь разницей, что московское заявленіе было, такъ сказать, sans phrases, а петроградское avec phrases. Если москвичи рѣшительно говорили: содѣйствовать,—то петроградцы мудро и осторожно заявляли: „не противодѣйствовать“.

Такъ обозначилась первая трещина между указанными двумя группами съ одной стороны, и остальными марксистами въ Россіи—съ другой.

Съ той поры не прошло и года, какъ уже стало невозможнымъ сохраненіе описанной — по существу националъ-либеральной—концепціи. Самый ходъ событій, условія присоединенія новыхъ участниковъ кроваваго спора, проявленія дѣйствительныхъ тенденцій борющихся сторонъ,—словомъ, всѣ тѣ поразительные факты, что развернулись на нашихъ глазахъ и у всѣхъ еще свѣжи въ памяти, въ клочья разорвали ходячую идеологическую ткань, подъ сѣнь которой укрылась въ началѣ міровыхъ событій не только либеральная мысль, но и мысль указанныхъ марксистскихъ круговъ.

Казалось бы, только и оставалось ждать, что закрытія первоначальной трещины и появленія новой, уже по другому, такъ сказать, водораздѣлу — между марксизмомъ, съ одной стороны, и либерализмомъ — съ другой.

Этого, однако, не случилось. Прежде всего, надо думать, потому, что психическій шокъ, вызванный такой катастрофой, какъ міровая война, отличается глубиною и длительностью дѣйствія. Тутъ, впрочемъ, сказалась еще въ своемъ родѣ роковая, специфическая особенность идейно-психологическаго бытія той среды, которая у насъ является преимущественной носитель-

ницей демократической идеологіи: разъ идейно-политическое расхожденіе привело къ расхожденію групповому, то въ дальнѣйшемъ групповая фракціонная обособленность пріобрѣтаетъ уже собственную логику движенія,—и логика фракціонной борьбы можетъ уже сильно модифицировать ходъ идейнаго спора. Такъ было прежде, такъ оказалось и теперь. Корни этого явленія, лежащіе въ особыхъ соціально-политическихъ условіяхъ развитія демократической идеологіи въ Россіи, можно было бы указать. Но не объ этомъ у насъ рѣчь.

Фактъ тотъ, что марксисты, именующіеся „пріемлющими", сохранили свою позицію и тогда, когда отпала всякая возможность держаться на той почвѣ, на которой первоначально покоилось это „пріятіе". Одна почва отпала,—создали себѣ другую: ухватились за измѣнившееся положеніе дѣлъ въ Россіи. Выдвинулся новый опорный пунктъ—„оборонческая" догма.

Мнѣ приходилось уже недавно въ журнальной статьѣ указывать на внутреннюю противорѣчивость принципа „обороны", какъ противопоставленія войнѣ для побѣды и одолѣнія, указывать на то, что возможно либо пріятіе, либо непріятіе: tertium non datur. Приходилось уже напоминать, какъ вѣрно патріотически настроенный, самый прогрессивный нашъ органъ — „Русскія Вѣдомости", которому вторитъ и кадетскій оффиціозъ „Рѣчь" — вскрываетъ съ своей точки зрѣнія нелогичность и противорѣчивость принципа одной только обороны. „Противоположеніе задачи обороны страны задачѣ рѣшительнаго одолѣнія врага, — говорятъ „Русскія Вѣдомости",—совершенно не можетъ быть прилагаемо къ реальнымъ условіямъ военной обороны... Только путемъ окончательной, а не призрачной побѣды надъ врагомъ разрѣшается прочно и твердо задача самозащиты".

Именно съ точки зрѣнія обороны газета логично требуетъ „дѣйствительной и безусловной побѣды“, „сокрушенія прусскаго милитаризма“, требуетъ и устраненія такихъ дѣйствій, которыя „неотвратимо ослабляютъ боевую мощь войска, ведущаго такую оборону“. „Отрицать справедливость этого положенія — говоритъ газета—значило бы отрицать и дѣло самой обороны, значило бы перейти отъ „оборончества“ къ „пораженчеству“. („Р. В.“ отъ 25-го марта). Тогда же мнѣ приходилось отмѣчать, что дѣйствительно, кто говоритъ „А“, долженъ сказать и „Б“, что указанныхъ неразрѣшимыхъ противорѣчій не было бы, если бы пріятіе или непріятіе было выдержано логически и политически.

Между тѣмъ именно на почвѣ указаннаго принципа съ его неразрѣшимыми противорѣчіями и стоитъ упомянутый новый сборникъ, и почти всѣ вошедшія въ него статьи разными способами стараются сгладить эти противорѣчія, затушевать передъ собою и читателями тотъ фактъ, что исходной точкой позиціи авторовъ былъ иной моментъ, когда не въ томъ было дѣло, за что ухватился ихъ новый „принципъ“, что исходной точкой была и иная концепція самой войны. Съ какимъ успѣхомъ стараются,—мы еще увидимъ.

Но какъ бы то ни было, разъ въ основу теперь кладется новый принципъ, — логически выдвигается новая трудность: какъ согласовать этотъ принципъ съ идеей международной солидарности? Раньше этой трудности какъ бы не было: пріятіе войны, какъ освободительной, можетъ исходить, при извѣстныхъ условіяхъ, именно изъ международныхъ интересовъ пролетарской демократіи. Имѣются ли на лицо эти условія и могутъ ли они вообще быть на лицо въ наше время,— этого мы сейчасъ не касаемся. Но логически такая постановка была возможна при первомъ фазисѣ разсматриваемой эволюціи.

Другое дѣло при новомъ фазисѣ: разъ упомянутая догма по отношенію къ своей странѣ есть верховный принципъ,—его конфликъ съ идеей *международной* солидарности неизбѣженъ. Неудивительно поэтому, что вопросъ объ отношеніи между элементами національнымъ и интернаціональнымъ занимаетъ центральное мѣсто въ сборникѣ. Уже предисловіе къ сборнику, признавая различія въ оцѣнкахъ его авторами отдѣльныхъ сторонъ современной общественности, стремится подчеркнуть, какъ общее всѣмъ авторамъ, то, что „идея интернаціонализма и идея самозащиты страны не являются понятіями, другъ друга исключающими".

Эта общая идея, центральная тема, сборника служитъ предметомъ статьи А. Потресова „О патріотизмѣ и международности".

Нужно ли говорить о томъ, что между первымъ элементомъ — патріотизмомъ—и вторымъ—международностью—для насъ нѣтъ коллизіи? Что можетъ быть болѣе возвышеннымъ и святымъ, чѣмъ подлинный патріотизмъ? Вѣдь сущность его заключается въ радостной готовности положить душу свою за други своя, пожертвовать своимъ индивидуальнымъ благомъ ради блага „соборнаго", интересами даннаго времени и мѣста—ради будущаго человѣчества. Какой же тутъ можетъ быть конфликтъ между первымъ элементомъ и вторымъ?

Но такой конфликтъ неизбѣженъ, какъ я уже говорилъ, у принявшаго новый принципъ А. Потресова. На его центральной для сборника статьѣ я и хочу прежде всего остановить вниманіе читателя. При этомъ критиковать статью мнѣ придется съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ положеній самаго же сборника, т. е. вскрыть противорѣчивость, несогласованность двухъ точекъ зрѣнія, соотвѣтствующихъ двумъ фазисамъ эволюціи.

III. Прежде и теперь.

Смѣна фазисовъ создала необходимость построить сложную и внутренно несогласованную „философію“ объ отношеніи „патріотизма и международности“. Казалось бы, съ точки зрѣнія перваго фазиса, къ чему еще философія? Патріотизмъ есть фактъ несомнѣнный, такой же, какъ и „пріятіе“. Почему бы, въ такомъ случаѣ, не *исходить* попросту изъ *обоихъ* фактовъ? Почему не поставить вопросъ „по гегелевски“: все существующее разумно? Но въ томъ то и дѣло, что именно смѣна фазисовъ вызвала необходимость въ „философіи“ для обоснованія обоихъ фактовъ. Въ результатѣ— рядъ противорѣчій, отнюдь не жизненно-діалектическихъ.

Уже самая постановка вопроса авторомъ статьи обнаруживаетъ слѣды перемѣны исходной точки, перехода отъ перваго фазиса эволюціи ко второму. Дѣло въ томъ, что на тему о международности тотъ же авторъ писалъ во время перваго фазиса своей эволюціи въ „Нашемъ дѣлѣ“ и къ тому же вопросу онъ подходилъ въ послѣдней книжкѣ „Нашей Зари“. Характерна разница въ постановкѣ вопроса тогда и теперь.

Тогда концепція освободительнаго характера войны заставляла своихъ сторонниковъ выдвигать признаки политической и иной отсталости Германіи, и съ этой точки зрѣнія излюбленной мыслью было противопоставленіе реакціоннаго германскаго юнкерства передовой демократіи союзныхъ намъ Франціи и Англіи.

Теперь мы слышимъ варіаціи иной темы, теперь мы то и дѣло встрѣчаемся съ противопоставленіемъ иного рода: съ одной стороны—патріотическая гражданственность пролетаріевъ „Запада“ (въ томъ числѣ и Германіи), съ другой—„вѣковая аморфность“, „фаталистиче-

ская покорность судьбѣ“ демократіи „Востока“ (стр. 6, 20, 21).

Тогда осуждалось голосованіе германской соціалдемократіей военныхъ кредитовъ, какъ „промахъ, который хуже любого преступленія“. Какъ „скверный анекдотъ“ авторъ характеризовалъ попытку мотивировать это голосованіе необходимостью обороны Германіи,— въ то время, какъ дѣло было въ „политикѣ расширенія и упроченія рынковъ“ („Н. З.“ № 7—8—9, стр. 123). Тогда подчеркивалась роль имперіалистическихъ и ревизіонистскихъ тенденцій въ этомъ преступленіи передъ идеей международности.

Теперь именно указанная необходимость становится обязательнымъ принципомъ, а имперіалистическія стремленія воюющихъ державъ и роль обороны при этомъ обходится. Теперь, хотя и говорится—въ *скобкахъ*—о винѣ большинства германской соціалдемократіи, но на первый планъ выдвигается — наоборотъ,—какъ черта гражданственнаго Запада, тотъ „порывъ на защиту страны“, который въ Германіи „овладѣлъ рабочими массами, подавляя сознаніе этихъ массъ, гоня прочь всѣ соображенія объ общечеловѣческой, международной справедливости и двигая массы противъ такихъ же рабочихъ массъ, но только входящихъ въ составъ другихъ государствъ“ (стр. 6).

Какъ бы для большей яркости контраста, авторъ теперь „разъясняетъ“ и прежнія свои заявленія объ „умонастроеніи германскаго профессіональнаго движенія съ Легиномъ во главѣ“ и объ „имперіалистическомъ характерѣ ревизіонизма одной части германской соц.-демократіи“. „Конечно“—говоритъ теперь А. Потресовъ — въ этомъ порывѣ германскаго пролетаріата было *нѣчто* [1]) и отъ этихъ специфическихъ „особен-

[1]) Курсивъ мой здѣсь и вездѣ, гдѣ не оговорено противоположное.

ностей“ германской жизни. Но для автора теперь уже „дѣло не въ этихъ особенностяхъ, а въ томъ общемъ развитіи, которое взрастило порывъ въ Германіи, какъ взрастило во Франціи, въ Англіи—во свѣхъ странахъ европейскаго Запада“...

Если *раньше* охотно напоминался фактъ выступленія Либкнехта и Бебеля съ протестомъ противъ франко-прусской войны, то *теперь* въ памяти всплываетъ исключительно фраза Бебеля о томъ, что въ случаѣ внѣшняго нападенія на Германію, онъ возьметъ въ руки ружье, чтобъ выступить на ея защиту.

Раньше А. Потресовъ былъ полонъ скорби по поводу „разгрома международности“, возмущался „продѣлавшимъ путь отъ вселенскаго идеала къ національной домашности“ П. Струве, который злорадно отмѣчалъ въ рядахъ соціалдемократіи торжество, какъ онъ выражался, буржуазнаго націоналистическаго лозунга „right or wrong, my country“ (хорошо-ли, скверно-ли поступаетъ мое отечество,—я его защищаю). Раньше авторъ упрекалъ Каутскаго за его мысль, что демократія каждой страны можетъ съ одинаковымъ правомъ защищать *свое* національное цѣлое и противоборствовать другимъ („Н. Д.“ № 1, стр. 67). Отдавалось предпочтеніе передъ Каутскимъ аргументамъ Гаазе, который, хотя и ошибочно, но оправдывалъ поведеніе германской демократіи международнымъ положеніемъ и, какъ никакъ, „на свой манеръ прислонялся къ международности“. Заявлялось, что упраздненіе международности „должно вызывать величайшую тревогу“, что „надо бить въ набатъ и кричать: демократія въ опасности“!.... (стр. 68). Положеніе характеризовалось, какъ торжество домашности, какъ „хаосъ эмпирики“.

Теперь, выше всего поднявъ флагъ той же, въ сущности, національной „домашности“, авторъ, какъ мы увидимъ, проникнутъ совсѣмъ иной тревогой и, самъ

отдавшись „хаосу эмпирики“, близко подходитъ къ формулированному П. Струве лозунгу, вмѣстѣ съ Каутскимъ ратуя за право защищать свою домашность и противоборствовать другимъ.

Тогда А. Потресовъ съ прискорбіемъ отмѣчалъ быстроту „процесса, такъ сказать, націонализаціи демократіи“ и понималъ, что націонализмъ „привелъ демократію къ старозавѣтному принципу современныхъ господствующихъ силъ—къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“ (стр. 80). Тогда же онъ, въ объясненіе этого печальнаго результата, указывалъ, что и до войны существовала ублюдочная форма—національное *сознаніе*, лишь регулируемое международными правилами, но не было „по существу глубоко несходнаго съ нимъ *принципіально* иного международнаго сознанія“ (стр. 80). *Теперь* тотъ же авторъ не видитъ принципіальной разницы между этими двумя формами общественнаго сознанія, утверждая, что только національно-государственный первый элементъ ведетъ къ международному второму и увѣряя, будто „интернаціонализмъ является дальнѣйшимъ развитіемъ патріотизма“ (стр. 11).

Раньше А. Потресовъ характеризовалъ патріотизмъ, которымъ, при открытіи военныхъ дѣйствій, зажглись рабочіе въ Германіи, какъ „*элементарный* патріотизмъ“ („Н. З.“, 124); *теперь* онъ въ томъ же элементѣ видитъ выраженіе гражданственности, „*возросшаго сцѣпленія частей внутри каждаго цѣлаго*“, видитъ „подлинное накопленное исторіей богатство, которое *надо беречь*“ („Самоз.“, 14). Еще *раньше* — въ „Искрѣ“ (1905 г.) въ статьѣ „О патріотизмѣ“, трактующей объ этомъ элементѣ въ Россіи,—А. Потресовъ доказывалъ, что только готовность „душу свою положить за други своя, т. е. за преображеніе отечества на началахъ справедливости“ заслуживаетъ „быть названной патріотичной“. *Теперь,* одиннадцать лѣтъ спустя, авторъ вынужденъ

„разъяснить“ и эти свои заявленія, душевно скорбя о томъ, что теперь, въ моментъ внѣшней войны, „въ Россіи все еще нѣтъ этого элемента, какъ массоваго явленія“, и увѣряетъ насъ, что только національно-государственный, первый элементъ есть подлинная гражданственность что „дорваться Россіи до него, значитъ дорваться до Европы“ (стр. 21).

Авторъ идетъ еще дальше по пути отказа отъ своей концепціи въ первый фазисъ эволюціи. „Мелодію, звучащую“ въ каждой странѣ Запада и дѣлающую А. Потресова „для Запада оптимистомъ“, онъ формулируетъ словами, влагаемыми въ уста гражданина западной Европы: „Съ нашей скверной мы справимся сами... Мы нашей задачи не уступимъ никому, да и неспособенъ никто, кромѣ насъ, рѣшить эту задачу“ (стр. 9). Но, такъ понимаемая, идея государственно-національнаго перваго элемента отрицаетъ, вѣдь, вліяніе одного государства на внутреннюю политику другого государства. Но—тогда—что же остается отъ освободительныхъ задачъ міровой войны? И много ли убѣдительности остается въ излюбленномъ прежде методѣ противопоставленія въ международномъ отношеніи юнкерской Германіи демократическимъ Франціи и Англіи?

И если *теперь* авторъ справедливо высмѣиваетъ мечты о лучшемъ внутреннемъ положеніи, которое придетъ хотя бы черезъ „гладь, потопъ и нашествіе иноплеменныхъ“, если онъ резонно возмущается „восточно-европейской мелодіей“, напоминающей жалобу Пушкинскаго Отрепьева „Хоть бы ханъ опять нагрянулъ...“,— то остается только напомнить самому А. Потресову, что въ первомъ фазисѣ своей эволюціи онъ самъ пѣлъ эту-же, въ сущности, мелодію... для Германіи.

Наконецъ, авторъ доходитъ чуть не до прямого отрицанія иного критерія оріентаціи, кромѣ защиты своей домашности. „Международность, — говоритъ онъ—упи-

рается въ индивидуальность каждой страны, индивидуальность, которую въ ея дѣйствіяхъ можно и должно ограничивать въ интересахъ и цѣляхъ международнаго развитія и международной справедливости, но на которую даже и въ выгодахъ этого развитія посягать нельзя, тѣмъ болѣе, нельзя подвергать уничтоженію" (стр. 15). Нальзя посягать даже въ интересахъ международнаго развитія и международной справедливости, т. е. нельзя дѣлать то, что годъ тому назадъ А. Потресовъ считалъ *обязательнымъ* для марксистовъ, въ непризнаніи чего онъ тогда упрекалъ инакомыслящихъ, ссылаясь на дѣйствительно международную постановку вопросовъ Марксомъ, Энгельсомъ, Лассалемъ, Либкнехтомъ во время войнъ 1859, 1866 г.г. и др.

Теперь выходитъ, что всѣ эти основоположники марксизма были принципіально неправы, ибо ни во имя чего нельзя посягать на государственную индивидуальность, всѣ государства равноцѣнны, всѣ имѣютъ право на защиту,—какія бы оговорки не дѣлалъ авторъ въ другомъ мѣстѣ относительно возникающихъ, благодаря нынѣшней войнѣ, положительныхъ международныхъ задачъ, вродѣ воскресшаго польскаго вопроса, вопроса о балканской федераціи и т. п. Тѣмъ болѣе, что, въ отношеніи рѣшенія любого изъ этихъ вопросовъ, борющіяся группы государствъ, какъ это теперь всѣмъ ясно, вовсе не распадаются на содѣйствующую и противодѣйствующую группы.

А въ такомъ случаѣ, вопреки А. Потресову, съ его точки зрѣнія, ужъ скорѣе правъ базирующійся на томъ же новомъ принципѣ К. Каутскій, полагающій, „что пролетаріатъ всѣхъ странъ, ведущихъ войну, одинаково правъ, берясь за оружіе" (стр. 15). Ибо Каутскій, по крайней мѣрѣ, *честно* признаетъ, что въ современныхъ имперіалистическихъ войнахъ всѣ находятся въ положеніи и нападающихъ, и обороняю-

щихся,—не только съ точки зрѣнія территоріальнаго расположенія линіи боевого фронта, но и съ точки зрѣнія антагонизма силъ и интересовъ, разразившагося міровой войною.

Въ концѣ концовъ „пріятіе“ становится чуть не органическимъ элементомъ политическаго мышленія А. Потресова. Иначе нельзя объяснить того, до чего договаривается нашъ авторъ подъ конецъ своихъ разсужденій. Указавъ на исконную тактику использованія пролетаріатомъ неоднородности буржуазнаго міра, его взаимнопротивоборствующихъ силъ,—А. Потресовъ настаиваетъ на примѣненіи той же тактики, наряду съ новымъ, положеннымъ въ основу сборника принципомъ, къ военнымъ конфликтамъ между государствами. Въ результатѣ, онъ рисуетъ двѣ одинаково фантастичныхъ картины.

Одна—подъ угломъ зрѣнія новаго принципа: при конфликтѣ двухъ сторонъ, международная воля пролетаріата призываетъ сначала однихъ къ оборонѣ, а другихъ къ депопуляризаціи войны. А затѣмъ, „когда дѣло обороны одной стороны было бы успѣшно закончено“, та же международная воля „провозгласила бы прежнюю виновницу въ состояніи законной обороны, а противниковъ ея, вершающими уже неправое дѣло, которое слѣдуетъ остановить всѣми силами...“ (стр. 15).

И авторъ не видитъ всей фантастичности этой картины—особенно при современныхъ формахъ и сложныхъ комбинаціяхъ борьбы цѣлыхъ *коалицій* государствъ,—борьбы, ведущейся одновременно на множествѣ различныхъ фронтовъ, гдѣ *каждая* коалиція въ любой моментъ является и обороняющейся, и нападающей. Авторъ не видитъ, что при этихъ условіяхъ почти никогда не возможенъ такой моментъ, когда обѣ стороны оказались бы въ положеніи только „успѣшно закончившихъ оборону“ свою, и всѣ борющіяся арміи ока-

зались бы, точно фигуры въ шахматной игрѣ, водворенными на тѣ же мѣста, гдѣ онѣ находились до начала кровавой игры. А что совсѣмъ не приходитъ въ голову автору, это такой вопросъ: разъ международная воля—такая сила, что можетъ схватить за шиворотъ то одну, то другую воюющую сторону, то несвоевременно ли было бы поставить себѣ другую задачу—устранить войны, какъ методъ рѣшенія споровъ? А если несвоевременно, то какой смыслъ имѣетъ весь фантастическій планъ?

Еще любопытнѣе другая, служащая продолженіемъ первой, картина—подъ угломъ зрѣнія „тактики использованія неоднородности противоборствующихъ силъ буржуазнаго міра“: „развивая свою собственную энергію коллективнаго дѣйствія, международная политика пролетаріата сегодня поддерживала бы однѣ изъ этихъ силъ и боролась бы съ другими—съ тѣмъ, чтобы завтра, быть можетъ, измѣнить свою позицію на діаметрально противоположную вчерашней... Активное и самостоятельное вмѣшательство международной воли пролетаріата въ войну было бы такимъ образомъ, всего-навсего однимъ изъ приложеній этой тактики“ (стр. 17).

Вотъ она—новая міровая „тактика“ пролетаріата, дикая воинственная фантазія, рожденная психическимъ шокомъ, послѣдовавшимъ за взрывомъ міровой военной катастрофы! Развѣ подъ дѣйствіемъ такого шока можетъ мысль марксиста остановиться на реальномъ историческомъ смыслѣ современныхъ имперіалистическихъ войнъ и ихъ разрушительнаго дѣйствія на національное и международное движеніе низовъ? Недурная перспектива: безконечный рядъ такихъ войнъ между народами, какъ нынѣшняя,—и „международный“ пролетаріатъ не дремлетъ: онъ, такъ сказать, танцуетъ на всѣхъ этихъ свадьбахъ... Я ужъ не говорю о томъ, что въ результатѣ парочки, другой такихъ войнъ, человѣ-

чество истекаетъ кровью, культурный міръ лежитъ въ развалинахъ, а отъ пролетарскаго движенія какъ національнаго, такъ и международнаго, остается лишъ печальное воспоминаніе!..

IV. Логика „пріятія".

Всѣ отмѣченныя экстравагантности и противорѣчія—продуктъ указанной перемѣны авторомъ концепціи, въ связи съ *возможностью* теперь открыто обосновать пріятіе тѣми же мотивами, что въ періодъ перваго фазиса.

Логика этой перемѣны сказывается и на всемъ содержаніи статьи А. Потресова—вплоть до построенія своеобразныхъ теорій. Къ одной изъ нихъ принадлежитъ теорія *„сростанія"* пролетарской демократіи *„съ цѣлымъ"*, т. е. съ государствомъ. Говоря, какъ о патріотахъ, о Жоресѣ и Бебелѣ, авторъ пишетъ: „Каждый изъ нихъ до послѣдняго дыханія трудился надъ собственнымъ цѣлымъ,—надъ Франціей или Германіей, и, трудясь, сростался съ цѣлымъ, какъ сростается художникъ съ своимъ дѣтищемъ, зодчій съ своимъ недостроеннымъ храмомъ" (стр. 7).

Неожиданна со стороны марксиста самая возможность сравненія роли демократіи въ современномъ государствѣ съ отношеніемъ зодчаго къ своему недостроенному храму. Несомнѣнно, создавать свои силы приходится демократіи не внѣ государства, а на почвѣ его реальныхъ условій и отношеній. Вѣрно и то, что улучшеніе этихъ условій не устраняетъ конечныхъ цѣлей демократіи, а лишь способно поставить ее въ болѣе благопріятную обстановку для дальнѣйшей борьбы и формированія своихъ силъ. Но развѣ марксистъ А. Потресовъ не знаетъ наличности въ совре-

менномъ „храмѣ“ раздирающихъ его непримиримыхъ противорѣчій? Развѣ его сооруженіе находится въ рукахъ одного лишь „зодчаго“? Развѣ здѣсь умѣстна своего рода, теорія „Zusammenwachsen“, напоминающая извѣстную оппортунистическую теорію „Hineinwachsen“?

Вѣдь, вотъ самъ авторъ утрированно подчеркиваетъ „безсиліе парламента и безправіе демократіи“ въ Германіи и въ то же время отмѣчаетъ, что въ той же Германіи „отвоевала себѣ право на жизнь общественность, т. е. самодѣятельность населенія въ ея самыхъ различныхъ проявленіяхъ и съ ея неизмѣннымъ организующимъ творчествомъ“ (стр. 7). Но развѣ не ясно, что между этими двумя явленіями есть тѣсная органическая связь? Развѣ объективный анализъ не обнаруживаетъ, что въ значительной мѣрѣ потому именно сложились относительно „безсиліе парламента и безправіе демократіи“, что высокой степени развитія и вліянія достигла самодѣятельность той же пролетарской демократіи и ея организующее творчество, вызвавшія совсѣмъ не „сростаніе“ и усилившія не притяженіе, а отталкиваніе между частями цѣлаго?

Не помнитъ ли А. Потресовъ, какъ тотъ же Бебель неоднократно выражалъ свое убѣжденіе, что Германія скорѣе перейдетъ къ соціализаціи общественныхъ отношеній, чѣмъ въ ней будетъ осуществленъ восьмичасовый рабочій день? Да и во Франціи и Англіи сомнительно, чтобъ въ полной мѣрѣ сохранился относительно высокій уровень силы парламента и простора для пролетарской демократіи, если бъ эта послѣдняя развернула большій уровень „самодѣятельности въ ея самыхъ различныхъ проявленіяхъ и съ ея неизмѣннымъ организующимъ творчествомъ“...

Чтобы видѣть это, нѣтъ ни малѣйшей надобности отказываться отъ дѣйствительно „подкрѣпленной опы-

томъ и успѣхомъ увѣнчанной“, упомянутой выше тактики использованія неоднородности буржуазнаго міра. Достаточно только не закрывать глазъ на существованіе *предѣла* этой неоднородности и противоборства,—предѣла, который, съ ходомъ развитія, все болѣе съуживается, а не расширяется. Достаточно, не отказываясь отъ этой тактики тамъ, гдѣ ее дѣлаютъ возможной реальныя отношенія, не забывать наличность *принципіальной* неоднородности и непримиримаго противоборства буржуазнаго міра и пролетарской демократіи.

Увлекшись своимъ образомъ „недостроеннаго храма“, нашъ авторъ — извѣстный, какъ публицистъ-художникъ,—уже во власти этого образа, рисуетъ страшную картину, какъ „чужая сила“ можетъ „притти и разрушить храмъ“, и какъ „подъ обломками храма окажется похороненнымъ все то развитіе, въ которое вкладывали душу какъ вожди, такъ и масса“ (стр. 7—8). До развѣ *такая* опасность грозитъ отъ того или иного исхода „недостроенному храму“, т. е. сложившимся культурно-правовымъ и экономическимъ условіямъ борьбы современной демократіи? Развѣ не къ извѣстному *перераспредѣленію* между государствами ихъ имперіалистическаго вліянія на отсталыя страны только и можетъ свестись тотъ или иной исходъ міровой войны? Развѣ не отъ разрушительнаго только дѣйствія самой войны, какъ длительной катастрофы, можно опасаться „обломковъ храма“, подъ которыми могутъ быть похоронены плоды развитія и пр.?

Нынѣ—говоритъ А. Потресовъ—пролетаріату есть что терять: накопленный „капиталъ“, т. е. „идейно-психологическія цѣнности“. Совершенно вѣрно. Германскій пролетаріатъ, напримѣръ, какъ мы видѣли, имѣетъ что терять—свои идейныя цѣнности, свое идейное и организующее творчество. Но не очевидно ли, что потеря этого капитала до извѣстной степени грозитъ

германской демократіи не отъ войны, а отъ того „порыва“, который „подавилъ сознаніе этихъ массъ, гоня прочь всѣ соображенія“ и т. д. Я уже не говорю о томъ, что и вообще-то опасность грозитъ этому капиталу отъ самой длительности катастрофы, а не отъ того или иного ея исхода.

Вотъ что значитъ пуститься въ плаваніе по бурному морю разыгрывающихся сейчасъ міровыхъ событій безъ твердо установленной *исходной точки*, полученной путемъ марксистскаго анализа реальныхъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь *основной принципъ* марксистской методологіи состоитъ въ томъ, чтобъ не завязывать общественной жизни своихъ сентенцій, а изучать дѣйствительность по ея фактическому содержанію, разгадать тайну ея закономѣрности, вскрыть пружины ея противоборствующихъ силъ. Сдѣлалъ ли это А. Потресовъ въ своей статьѣ, сдѣлано ли это вообще во всемъ сборникѣ? Да ничего подобнаго. Здѣсь *нѣтъ никакой опредѣленной исходной точки зрѣнія на содержаніе и историческій смыслъ переживаемой катастрофы.* И это—самая яркая характерная черта „марксистскаго“ сборника.

Впрочемъ, косвенный намекъ на поддержку извѣстной „теоріи“ Плеханова, Алексинскаго и народниковъ содержится и въ статьѣ А. Потресова, который возмущается тѣми, кому „безразлично, больше или меньше въ Россіи десятками губерній и доразовьется ли она, все пятясь назадъ, до былого Московскаго царства“ (стр. 19).

Не знаю, кто принадлежитъ къ числу тѣхъ, кому безразлична такая перспектива. Попятное развитіе Россіи до размѣровъ „былого Московскаго царства“, низведеніе ея на уровень маленькаго государства, съуженіе размаха ея культурнаго, соціально-экономическаго и иного развитія было бы страшнымъ несчастіемъ для

нашей страны. Перспектива такого несчастія не только не можетъ быть безразличной для насъ, но была бы однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ нашей оріентировки въ переживаемыхъ событіяхъ. Была бы, если бы сама перспектива не была фантастичной. А именно такою, именно лишенною хотя бы тѣни основанія она является для насъ.

Но отъ тѣхъ, кто такую перспективу провидитъ, мы въ правѣ ожидать ея фактическаго доказательства, ея обоснованія, какъ одной изъ исходныхъ точекъ для постановки всей проблемы о смыслѣ переживаемой катастрофы и освѣщенія кроющейся въ ея нѣдрахъ коллизіи между первымъ и вторымъ изъ упоминавшихся выше элементовъ.

Это-то и характерно для „марксистскаго“ сборника и его центральной статьи, что указанная, несомнѣнно страшная, но фантастическая перспектива безъ тѣни обоснованія встрѣчается гдѣ-то на задворкахъ, подъ конецъ статьи. Еще характернѣе то, что перспективу потери Россіей „десятковъ губерній“ справедливо отрицаетъ другой видный авторъ въ томъ же сборникѣ— П. Масловъ, который говоритъ, что „опасность этой войны заключается не столько въ лишеніяхъ“, что „Германіи вовсе не соблазнительно включить въ свое государство многочисленное враждебное населеніе“ (стр. 37).

V. О первомъ элементѣ.

Съ тѣми же блужденіями мы встрѣчаемся въ статьѣ, когда идетъ рѣчь о сущности упомянутаго перваго элемента. Тутъ А. Потресовъ проводитъ различіе между „патріотизмомъ агрессивно-буржуазнымъ и патріотизмомъ пролетарски - демократическимъ — „защитнаго цвѣта“ (стр. 10). Если оставить въ сторонѣ субъектив-

ныя намѣренія тѣхъ или иныхъ демократическихъ элементовъ, а разсматривать объективный смыслъ вещей въ рамкахъ современныхъ классовыхъ государствъ,— смыслъ „порыва“ въ тѣхъ же конфликтахъ, которые стоятъ на очереди дня, то можно ли видѣть въ немъ лишь „защитный цвѣтъ“? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобъ сказать: „защитнаго цвѣта“ порывъ, какъ таковой, мы можемъ встрѣтить въ наше время развѣ лишь въ туземномъ населеніи Марокко, Индіи, Триполи и т. д.,—вообще въ населеніи странъ, являющихся только объектомъ, а не субъектомъ имперіалистической эксплоатаціи.

Совершенно недостаточно того, что А. Потресовъ проводитъ такое различіе между двумя видами порыва, что онъ или, вообще, демократія такъ понимаетъ свой порывъ. Вопросъ въ томъ, не лежитъ ли *иллюзія* въ основѣ этого пониманія. Не будетъ ли, такимъ образомъ, демократія, при всемъ своемъ особомъ пониманіи, фактически ставить реальную силу своего класса въ распоряженіе совсѣмъ иныхъ силъ?.. Представитъ-ли, при такихъ условіяхъ, *словесное* отмежеваніе отъ незащитнаго порыва гарантію противъ сотрудничества на *дѣлѣ*, противъ надуванія своимъ вѣтромъ чужихъ, совсѣмъ чужихъ парусовъ?

Я уже не говорю о неожиданномъ для марксиста утвержденіи, будто возможенъ національно-государственный порывъ, „очищенный отъ классоваго или мѣстнаго своекорыстія“ (стр. 11).

Любопытно отмѣтить, что въ этомъ пунктѣ съ А. Потресовымъ вполнѣ сходится *народникъ*, г. Пѣшехоновъ, въ „Русскихъ Запискахъ“ [1]). Протягивая руку А. Потресову, онъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно послѣдовательно требуетъ „пересмотра марксистской

[1]) Статья „На очередныя темы“, 1916 г., № 1.

теоріи въ самой основѣ, а не въ нѣкоторыхъ лишь выводахъ", ибо, „приписывая исключительную роль классовой борьбѣ, марксизмъ... въ національно-государственныхъ организаціяхъ видѣлъ не больше, какъ классовыя организаціи имущихъ классовъ", а между тѣмъ „привилегированные слои имѣютъ отъ войны не только выгоды, но и невыгоды" и „въ общемъ счетѣ выигрышъ отъ войны, несомнѣнно, гораздо меньше проигрыша" (стр. 289, 290). Оставляя въ сторонѣ обывательскій характеръ послѣдняго аргумента, надо все-таки сказать, что г. Пѣшехоновъ, сходясь съ А. Потресовымъ, послѣдовательно расходятся съ марксистской теоріей.

А. Потресовъ много останавливается на развитіи „порыва" и гражданственности, которые онъ тѣсно связываетъ другъ съ другомъ. Коренная ошибка его разсужденій тутъ вскрывается тѣмъ фактомъ, что только у буржуазныхъ низовъ (среднее крестьянство, мелкая буржуазія) возникновеніе перваго элемента есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пробужденіе гражданственности (аналогично тому, какъ антисемитизмъ признается иногда „соціализмомъ глупцовъ"). У пролетаріата же современности пробужденіе гражданственности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пробужденіе классоваго сознанія, т. е. *разложеніе* примитивнаго національно-государственнаго перваго элемента, а вовсе не „сростаніе съ цѣлымъ".

Конечно, А. Потресовъ ссылается на фактъ—„порывъ", который обнаружился въ нынѣшней войнѣ въ Германіи. Фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ растущимъ элементомъ или же съ остаткомъ прошлаго, разростется-ли этотъ элементъ послѣ нынѣшней войны, или же она нанесетъ ему сокрушительный ударъ.

А Потресовъ рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ первой изъ этихъ перспективъ. Это неудивительно со стороны автора, который можетъ говорить о „вѣковомъ про-

цессѣ гражданской кристаллизаціи общества, нашедшемъ свое кульминаціонное выраженіе“ въ этомъ порывѣ. На самомъ дѣлѣ тутъ передъ нами исторія культуры навыворотъ. Ибо только на примитивныхъ стадіяхъ развитія общественности мыслима однородность, неразложимое единство семьи, рода—отечества или „цѣлаго“, съ которымъ и возможно „сростаніе“. На дальнѣйшихъ стадіяхъ, съ увеличеніемъ неоднородности, дифференціаціи, все больше усиливается и оформляется разложеніе примитивнаго „цѣлаго“, все больше ослабляется связь низовъ съ этимъ цѣлымъ, которое раскрывается, какъ организація господства верховъ, какова бы ни была степень демократизаціи современнаго цѣлаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше протягиваются нити, связывающія между собою низы въ различныхъ „цѣлыхъ“. Что при этомъ тѣ же низы въ своемъ движеніи должны строить свое творчество на почвѣ національно-государственныхъ условій и отношеній (всемірнаго „цѣлаго“, вѣдь, не существуетъ),— нисколько не мѣняетъ дѣла.

Въ томъ то и дѣло, что А. Потресовъ, очевидно, подъ дѣйствіемъ катастрофическаго военнаго взрыва, почувствовалъ влеченіе—родъ недуга—къ „переоцѣнкамъ прошлаго“ и, потянувшись къ „новизнѣ“, („Н. З.“, 21), на самомъ дѣлѣ ухватился за элементы стараго, очень стараго,

Какъ упрощенно и однобоко глядитъ на жизнь нашъ авторъ, надѣвъ на глаза выкроенные изъ перваго элемента шоры, видно изъ его увѣренія, что дорваться Россіи до этого элемента „значитъ... взять огромную метлу въ свои руки и начать выметать многовѣковую нечисть“. Какъ жестоко посмѣялась дѣйствительность надъ этимъ утвержденіемъ. Не метлу взяли въ свои руки „дорвавшіеся“ въ началѣ войны слои русскаго общества, а вѣтку Burgfrieden'а которую и про-

тянули, куда слѣдуетъ, т. е. куда не слѣдуетъ, по мнѣнію А. Потресова. И, вѣдь, не въ одной только странѣ, но во всѣхъ странахъ—въ Германіи такъ же, какъ и въ Англіи и Франціи—не выметать всяческую „нечисть“ принялись тѣ, кто былъ охваченъ „порывомъ“, а какъ разъ наоборотъ...

Кстати о „порывѣ“ въ Германіи и пр. Его—говоритъ нашъ авторъ—надо объяснить. Но, вѣдь, есть, какъ извѣстно, и *оппозиція* этому порыву и въ Германіи и т. д. Притомъ оппозиція, съ каждымъ днемъ все болѣе растущая. Что-же, ее *не* надо объяснить? Между тѣмъ, „марксистскій“ сборникъ ее попросту *замалчиваетъ*. И это молчаніе „говоритъ цѣлые томы“...

Въ самомъ дѣлѣ, навязывается вопросъ: что же, эти оппозиціонные элементы германской демократіи, протестующіе противъ разгрома Бельгіи, противъ завоевательныхъ вожделѣній прусскихъ юнкеровъ—что же, они являются худшими въ смыслѣ развитія гражданственности? Неужели они—„фаталистически покорные судьбѣ рабы“, продукты „вѣковой аморфности“, еще „недоросшіе до патріотизма“? И, наоборотъ, не знаетъ-ли А. Потресовъ, куда принадлежатъ—къ „доросшимъ“ или „недоросшимъ“—дѣятели „германскаго профессіональнаго движенія, съ Легиномъ во главѣ“ и та часть соц.-демократіи, которая представляетъ „ревизіонизмъ съ имперіалистическимъ характеромъ“ и въ которой участникъ того же сборника, И. Кубиковъ, видитъ „скрытый зоологическій націонализмъ“? А вѣдь это зналъ и подчеркивалъ А. Потресовъ годъ тому назадъ, когда его концепція войны не требовала конструкціи такого перваго элемента, который—какъ ни верти—коллидируетъ со вторымъ. Если же авторъ и теперь это знаетъ, то неужели не видитъ, что тутъ связь внутренняя, глубокая?

Аналогичный вопросъ можно бы, впрочемъ, предло-

жить автору и въ отношеніи нашей родины. Для примѣра достаточно сопоставить характеръ (по крайней мѣрѣ, первоначальный) участія московскихъ рабочихъ въ военно-промышленномъ комитетѣ, съ одной стороны, и петроградскихъ—съ другой. При всей однобокости фактическаго освѣдомленія публики нашей прессой въ отношеніи петроградской рабочей группы, все-таки шила въ мѣшкѣ нельзя спрятать. А разница въ гражданской зрѣлости между типомъ заводскаго рабочаго Петрограда и массой непорвавшихъ связи съ деревней московскихъ текстильщиковъ — достаточно извѣстна.

А. Потресовъ вообще съ большой горечью говоритъ о россійской демократіи, сильно его огорчившей и сдѣлавшей его „оптимиста для Запада"—„пессимистомъ для Востока". Мнѣ бы и въ голову не пришло и до войны, и сейчасъ оспаривать поводы для пессимизма. Но въ чемъ и на основаніи чего?. Нашъ авторъ совѣтуетъ россійской пролетарской массѣ „поступить въ приготовительный классъ той школы гражданственности, черезъ которую—въ теченіе ста лѣтъ и болѣе—проходила Европа" (стр. 19), и которая „нашла свое кульминаціонное выраженіе" и т. д.

Той же школы... Надо ли и возможно ли во всемъ копировать европейскую исторію? Слѣдуетъ ли конструировать перспективы нашего развитія по учебникамъ европейской исторіи, такъ сказать, по Олару. Вовсе не надо итти по стезѣ народничества и мечтать перескочить черезъ историческіе фазисы, чтобы отвергнуть копированіе во всемъ минувшихъ историческихъ эпохъ. Наоборотъ, именно марксизмъ учитъ строить разсужденія не по учебникамъ, а на основѣ учета реальныхъ историческихъ отношеніи *данной* комбинаціи условій, которая не тождественна и *не можетъ быть тождественной* съ условіями минувшихъ эпохъ.

Такое копированіе не только не возможно въ сферѣ явленій общественнаго сознанія,—его нѣтъ и въ объективномъ развитіи формъ соціальнаго *бытія*. Въ Россіи, напримѣръ, мы имѣемъ: современныя формы крупнаго капитала — безъ развитія средняго; ростъ пролетарскихъ идей при отсталыхъ, почти докапиталистическихъ правовыхъ формахъ; организацію крупной буржуазіи не въ противовѣсъ, а при поддержкѣ этихъ формъ; развитіе классоваго чувства пролетаріата раньше возникновенія политической самостоятельности представителей капитала и т. д. Не ясно ли, что при такихъ условіяхъ копированіе во всемъ европейской исторіи—ясная безсмыслица.

Вотъ иллюстрація. Какъ извѣстно, русскій пролетаріатъ не прошелъ стадіи борьбы за освобожденіе свое отъ подчиненія политическому вліянію либеральной буржуазіи—стадіи, которую прошелъ, напримѣръ, германскій пролетаріатъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Не прошелъ потому, что и самаго подчиненія не могло быть, по особеннымъ историческимъ условіямъ развитія Россіи. Этотъ фактъ, конечно, не могъ не отразиться на степени глубины классовой идеологіи русскаго пролетаріата—въ видѣ ея примитивизма и слабой расчлененности, уже не говоря о недостаткѣ политической искушенности. Но значитъ ли это, что надо—если бъ это было возможно—стараться втиснуть русскій пролетаріатъ въ русло этого подчиненія, заставить его непремѣнно продѣлать этотъ фазисъ, этотъ „приготовительный классъ", копируя Европу? А иначе смотрѣть на вещи—значитъ грѣшить „россійской отсебятиной"?

А. Потресовъ протестуетъ противъ представленія о „Россіи, еще не доросшей" до порыва, но „уже зажигающей свѣтъ на весь міръ, и увѣряетъ, что не ожидалъ, „что затуманятся самыя ясныя головы, замутятся

самые дальнозоркіе глаза и станутъ видѣть такіе миражи“ (стр. 21). Не знаю, о чемъ и о комъ собственно говоритъ здѣсь авторъ. Да, есть, кажется говорящіе что-то, вродѣ „зажиганія свѣта на весь міръ“, но мы съ Потресовымъ ихъ ясными головами не назовемъ; есть не затуманенныя „порывомъ“ головы, но такого вздора они не говорятъ...

Авторъ, къ тому же, совершенно напрасно видитъ *только* отрицательную сторону въ той вѣрности второму элементу, которую проявила демократія въ Россіи. Конечно, у насъ демократія такъ мало въ состояніи практически вліять на судьбы страны, а оффиціальное „цѣлое“ представляется въ такомъ непривѣтливомъ видѣ, что обмануться было трудно; гораздо *легче* было обмануться въ другихъ странахъ. Надо замѣтить, кстати, что если, плывущіе подъ флагомъ „новаго принципа“, А. Потресовъ и его сторонники не дошли до тѣхъ взглядовъ, до которыхъ „дорвались“, плывущіе подъ тѣмъ же флагомъ, Эрве, Шейдеманы и пр., то причина этого *тоже,* вѣдь, лежитъ въ независящихъ условіяхъ нашего курса, которые иммунизировали А. Потресова и его единомышленниковъ отъ того яда, какимъ прониклись ихъ зарубежные спутники.

Что же касается нашей демократіи вообще, то пусть правъ Плехановъ, который сравнилъ нашу демократію съ пятилѣтней дѣвочкой, которой легко сохранить невинность. Но, во-первыхъ, тѣмъ болѣе изумительно усердіе тѣхъ, кто не перестаетъ толкать эту дѣвочку: согрѣши, да согрѣши... Во-вторыхъ, надо же видѣть и другую сторону медали. Я не хочу превращать особенности окружающей обстановки въ заслугу и въ особыя положительныя качества души нашей демократіи, затушевывать ея относительный политическій примитивизмъ. Но ужъ совершенно напрасно А. Потре-

совъ превращаетъ эти качества въ какое-то lèse majesté, затушевывая оборотную сторону медали.

Обвиненіе нашей демократіи огульно въ томъ, что она не признаетъ патріотизма — сущая напраслина. Помилуйте, не только признаетъ, но на дѣлѣ практикуетъ. „Патріотизмъ гражданина — говоритъ нашъ авторъ—несетъ достояніе и жизнь на алтарь своей родины", но жертвуетъ всѣмъ за то, „чтобъ алтарь и въ самомъ дѣлѣ былъ алтаремъ, а не зазорнымъ свалочнымъ мѣстомъ" (стр. 19). Вотъ ужъ подлинно золотыя слова А. Потресова, которыя пламеннымъ языкомъ говорятъ противъ жалобъ А. Потресова.

Правда, только что минула десятилѣтняя давность извѣстныхъ событій. Но развѣ этого достаточно, чтобы оспаривать готовность демократическихъ массъ нести и достояніе, и жизнь свою на алтарь своей родины? И развѣ не ясно, что „порывъ", напримѣръ, германской демократіи несетъ жертвы не на алтарь, а именно на мѣсто свалки во всѣхъ смыслахъ.

Повторяю, можно даже очень критиковать и упомянутыя всероссійскія событія, можно критически отнестись къ цѣлесообразности нѣкоторыхъ формъ, а иногда и направленія той кинетической энергіи, которую развила тогда демократическая масса, движимая любовью къ отечеству, къ его свободѣ, къ его благу. Но не признавать тутъ самой любви этой, т. е. патріотизма—развѣ мыслимо?

И если А. Потресовъ разражается упреками въ „фаталистической покорности судьбѣ", „въ невѣдѣніи того, что существуетъ на свѣтѣ общественно-политическое цѣлое, которое зовется Россіей и о которомъ надо позаботиться", то остается сказать одно: А. Потресовъ самъ опровергъ свое положеніе о „метлѣ", ибо, „дорвавшись", онъ взялъ не „огромную метлу въ свои руки", чтобъ „начать выметать" и пр., а всего-

на-всего—огромную и грубую суздальскую кисть, чтобъ начать малевать „картину“ дѣйствительности...

Если авторъ такъ удачно отстаиваетъ первый изъ упомянутыхъ элементовъ, то не менѣе удачна его защита и второго. Этотъ послѣднiй, какъ извѣстно, сейчасъ дѣлаетъ геройскiя усилiя, чтобъ подняться изъ положенiя поверженной, растоптанной „порывомъ“ идеи. А теорiя А. Потресова вырываетъ у нея и совсѣмъ почву изъ подъ ногъ безоглядочной защитою „порыва“, стремится перевести ее въ царство тѣней,—утѣшая ее надеждой на загробную жизнь, въ качествѣ элемента отдаленнаго будущаго, въ качествѣ „доразвившагося до своего отрицанiя нацiонально-государственнаго“ порыва. Да, этой защитой нашъ авторъ своеобразно „поддерживаетъ“ международность—такъ, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго...

VI. Зданiе безъ фундамента.

Переходя къ остальному содержанiю сборника, примыкающему къ центральной статьѣ А. Потресова, надо прежде всего замѣтить слѣдующее. Нѣтъ смысла останавливаться на многочисленныхъ противорѣчiяхъ между положенiями отдѣльныхъ авторовъ, — поскольку эти противорѣчiя касаются пунктовъ второстепенныхъ по отношенiю къ основному кругу идей сборника. Насъ интересуетъ только этотъ кругъ идей, а не сборникъ, какъ таковой. Къ тому же, въ этомъ отношенiи оказываешься напередъ обезоруженнымъ заявленiемъ предисловiя, что каждый изъ авторовъ индивидуально несетъ отвѣтственность за различiя въ оцѣнкахъ отдѣльныхъ сторонъ современной общественности.

Не приходится также судить авторовъ за то, чего *нѣтъ* въ ихъ сборникѣ, написавшемъ на своемъ зна-

мени новый принципъ. А нѣтъ въ немъ многаго: не выясненъ, даже не затронутъ принципіальный вопросъ о *содержаніи* участія въ томъ, что выражаетъ принципъ, о соотношеніи между его технической и общественно-политической сторонами, о предѣлахъ и формѣ этого участія, о возможности и методахъ его координированія съ другими задачами демократіи и т. д.

Однако, что во всякомъ случаѣ *обязательно* должно было бы быть и чего нѣтъ въ „марксистскомъ“ сборникѣ, это анализъ или, по крайней мѣрѣ, общая характеристика реальнаго *историческаго смысла* такой крупнѣйшей катастрофы, какъ міровая война, вопросу объ отношеніи къ которой посвященъ сборникъ.

Вѣдь, вотъ одинъ изъ авторовъ сборника, К. Дмитріевъ, опредѣленно подчеркиваетъ въ своей статьѣ, что „причины, цѣли и слѣдствія войны опредѣляются состояніемъ производительныхъ силъ воюющихъ странъ“, и что „причины и задачи войны обусловливаютъ пріятіе или непріятіе ея демократіей“ (стр. 42, 43). Тѣмъ болѣе характерно, что, рѣшая по своему вопросы пріятія, авторы систематически обходятъ „обусловливающія“ его „причины, цѣли и слѣдствія“. И на анализѣ статьи А. Потресова мы уже видѣли, какъ жестоко мститъ за себя краснорѣчивое умолчаніе по этому центральному пункту всѣхъ вопросовъ современной общественности. Благодаря этому умолчанію, сборникъ во всякомъ случаѣ оказывается не то, что безъ марксистской „изюминки“, а просто шаткой постройкой, возведенной безъ всякаго фундамента.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать хотя бы подобіемъ фундамента тѣ двѣ статьи—П. Маслова и К. Дмитріева,—которыя имѣютъ отношеніе къ экономикѣ. Отъ этихъ авторовъ — особенно отъ П. Маслова — мы въ правѣ были ожидать хотя бы краткаго очерка, который бы показалъ: степень роста производительныхъ

силъ въ современныхъ капиталистическихъ странахъ; характеръ послѣдняго фазиса развитія капитала; измѣненіе вида и сферъ приложенія новѣйшаго капитала; роль современнаго протекціонизма въ отличіе отъ первоначальнаго; видоизмѣненіе роли государства и его соотношеній съ капиталомъ; положеніе различныхъ странъ въ этомъ процессѣ развитія; отношеніе міровой войны къ этому процессу; вліяніе войны на ходъ этого процесса и возникающія на этой почвѣ перспективы. П. Масловъ могъ бы въ этомъ процессѣ прослѣдить свою излюбленную тему—перераспредѣленіе производительныхъ силъ. И вся эта, хотя бы схематическая, характеристика должна быть не только дана, но и сдѣлана дѣйствительнымъ фундаментомъ, на которомъ прочно базировалась бы вся дальнѣйшая надстройка, съ ея тактическими выводами для класса, который имѣетъ не только опредѣленный вчерашній день, но еще болѣе несомнѣнный завтрашній.

Ничего этого не сдѣлано въ сборникѣ. Хуже того: именно въ статьѣ П. Маслова дано—по сравненію съ именемъ этого экономиста-марксиста и съ важностью предмета—невѣроятное, почти дѣтское упрощеніе вопроса.

„Германскіе промышленники и аграріи затѣяли войну... ради экономическихъ выгодъ“. „Предприниматели Германіи и Австріи и до войны вели торговлю съ тѣми странами, съ которыми они теперь воюютъ, и получали отъ этого... достаточную прибыль. Очевидно, затѣявши войну, они надѣялись, при побѣдѣ, получить нѣкоторую сверхъ-прибыль“... (стр. 32). Вотъ и вся, такъ сказать, философія современной войны. И вслѣдъ за этимъ авторъ пугаетъ насъ ужасами перспективъ, позаимствованныхъ изъ... эпохи первоначальнаго накопленія: „Долины Индіи бѣлѣли отъ костей погибшихъ отъ англійской конкуренціи ткачей; города Ирландіи

были обезлюдены, благодаря таможенной политикѣ Англіи, уничтожившей промышленность этихъ странъ" (стр. 32). И, конечно, тотъ же ужасъ грозитъ и нашей родинѣ: „При побѣдѣ Германіи для ея развитого капитализма уничтоженіе русской промышленности и превращеніе Россіи въ Ирландію довольно легко" (стр. 33).

Автора мало смущаетъ, что современная русская промышленность совсѣмъ не та, что промышленность Индіи и Ирландіи минувшей эпохи, что уничтожить русскую промышленность значило-бы для германскаго промышленнаго капитала совершить нѣкоторымъ образомъ самоубійство, такъ какъ Германія ввозитъ къ намъ преимущественно средства промышленнаго производства. Также мало смущаетъ его то обстоятельство, что Англія самая промышленная, послѣ Германіи, страна Европы, и что это не мѣшаетъ, а помогаетъ Германіи ввозить въ Англію товаровъ и капиталовъ гораздо больше, чѣмъ въ Россію. Еще меньше смущаетъ автора совершенно несомнѣнный фактъ, что экономическія выгоды получить, въ случаѣ своей побѣды, германскіе предприниматели надѣялись именно не на счетъ побѣжденныхъ странъ—вѣрнѣе, не въ самихъ этихъ странахъ, т. е. Россіи, Франціи, Англіи, что, въ частности, всѣ ставшія извѣстными (напримѣръ, по газетѣ „Neue Züricher Zeitung") предлагаемыя Германіей условія мира ни единаго пункта, подтверждающаго ожиданія Маслова, не содержатъ. Даже тотъ элементарный фактъ, что не объ этихъ странахъ, а о колоніяхъ и малыхъ государствахъ мечутъ кровавый жребій въ міровой имперіалистической войнѣ, остается внѣ предѣловъ поля зрѣнія нашего извѣстнаго экономиста.

При необычайно суженномъ полѣ зрѣнія, П. Масловъ склоненъ видѣть чуть не весь смыслъ нынѣшней

войны въ стремленіи германскаго капитала навязать Россіи болѣе выгодный для Германіи торговый договоръ, разрушить промышленность Россіи путемъ ввоза въ нее своихъ издѣлій по низкимъ таможеннымъ ставкамъ. Низкія таможенныя пошлины—voilà l'ennemi!

Пусть жизнь смѣется надъ этими страхами. Пусть мы уже и теперь видимъ, какъ и защитникъ капитала, крупный чиновникъ вѣдомства торговли и промышленности, г. Бородаевскій и экономистъ идеологъ сельскохозяйственныхъ круговъ, проф. Туганъ-Барановскій (на недавнемъ всероссійскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ) въ тонѣ Katzenjammer'а провозглашали, что для Россіи невыгодно экономическое изолированіе Германіи, что необходимо заключить съ нею торговый договоръ на началахъ наибольшаго благопріятствованія, какъ и до войны, что произведенія ея фабрично-заводской промышленности намъ необходимы и не могутъ быть замѣнены произведеніями Англіи и Франціи. Пусть мы знаемъ, что въ сторону такого же торговаго договора направлены стремленія и господствующихъ силъ Германіи. Пусть. Все это не мѣшаетъ П. Маслову писать о наличной будто бы опасности экономическаго порабощенія Россіи Германіей.

Больше того. Пусть война уже теперь по своему революціонируетъ всю соціально-экономическую жизнь воюющихъ (и даже нейтральныхъ) странъ, всюду вызывая коренную ломку экономическихъ формъ, внося измѣненія, способныя перевернуть вверхъ ногами всю проблему. Пусть Англія стремительно двигается въ объятія не только милитаризма, но и протекціонизма. Пусть на нашихъ глазахъ складываются новыя отношенія между государствомъ и промышленностью. Пусть выдвигается перспектива образованія таможенныхъ коалицій крупнѣйшихъ государствъ. Пусть. Все это не смущаетъ нашего виднаго экономиста, фиксирующаго

свой взоръ на экономической опасности для Россіи отъ навязаннаго ей Германіей торговаго договора.

Такое суженіе поля зрѣнія доходитъ до того, что, вплотную подойдя къ факту, способному расширить это суженное поле зрѣнія, нашъ авторъ совершенно не видитъ смысла этого факта. По самарской газетѣ „Нашъ Голосъ", П. Масловъ цитируетъ сообщеніе органа „Humanité" о томъ, что Комитетъ германской соціалдемократической партіи и парламентская фракція въ своей резолюціи требуютъ введенія въ условія заключенія мира съ воюющими державами пункта о поощреніи экономическаго сближенія народовъ „путемъ уничтоженія, насколько возможно, таможенныхъ ставокъ и преградъ для сообщеній" (стр. 36). Что же видитъ въ этомъ фактѣ нашъ авторъ? Только то, что представители германской рабочей партіи стремятся къ ослабленію протекціонизма „не для процвѣтанія промышленности болѣе отсталыхъ странъ, а для ея уничтоженія, ибо у себя на родинѣ германскій рабочій классъ никогда серьезно не протестовалъ противъ таможенной защиты германской промышленности, а только противъ аграрныхъ пошлинъ" (стр. 36).

Я уже не говорю о томъ, что приведенная резолюція говоритъ о пониженіи таможенныхъ пошлинъ во всѣхъ странахъ, — стало быть, и въ самой Германіи. И если, допустимъ, германскій рабочій классъ до сихъ поръ этого серьезно не требовалъ, а теперь пришелъ къ этому требованію, то, очевидно, какой-то иной смыслъ кроется въ этомъ требованіи, нежели уничтоженіе русской промышленности. Не говорю также и о томъ, что, приравнивая ослабленіе индустріальнаго протекціонизма въ Россіи къ уничтоженію ея промышленности, П. Масловъ неизбѣжно самъ вызываетъ противъ себя нареканія въ защитѣ нашего уродливаго протекціонизма, хотя, конечно, извѣстно, что до войны нашъ

авторъ, какъ и всѣ марксисты, отлично понималъ—а я убѣжденъ, что и теперь понимаетъ—тормозящее вліяніе нашей таможенной политики на развитіе производительныхъ силъ Россіи.

Но что характернѣе всего въ приведенномъ толкованіи П. Масловымъ сообщенной „Humanité“ резолюціи, это — то, что онъ не видитъ ея дѣйствительнаго, глубокаго смысла. Не видитъ, что протекціонизмъ сталъ въ наше время главной опорой имперіалистскихъ вожделѣній, монопольнаго господства государствъ-трестовъ. Не видитъ, что тотъ же протекціонизмъ сталъ не только „преградой для сообщеній“, но и кореннымъ препятствіемъ на пути мирнаго сожительства народовъ, что безъ таможеннаго разоруженія не можетъ быть рѣчи о военномъ разоруженіи. Не видитъ, что, истерзанныя нынѣшней военной катастрофой, народныя массы—въ поискахъ средствъ для предотвращенія повторенія такого рода бойни — должны будутъ, между прочимъ, выдвинуть, какъ международный лозунгъ, именно требованіе „уничтоженія, насколько возможно, таможенныхъ ставокъ и преградъ для сообщенія“. Именно этотъ смыслъ цитированной резолюціи оказался выходящимъ за предѣлы концепціи статьи П. Маслова въ сборникѣ.

Въ концѣ концовъ, главный „ударный пунктъ“ статьи П. Маслова, повидимому, лежитъ не только въ предсказаніи ужасовъ для Россіи, но и въ использованіи фактовъ, уже наблюдаемыхъ въ настоящее время. Авторъ вычиталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ сообщеніе изъ газеты „Curjer Warszawsky“, что въ оккупированной Польшѣ германскія власти реквизируютъ сырье для нуждъ нѣмецкой промышленности и всячески содѣйствуютъ доставкѣ польскихъ рабочихъ на фабрики въ Германіи. Вотъ — говоритъ П. Масловъ —

какая „судьба не только грозитъ Россіи, но отчасти ее постигла“ (стр. 34).

Врядъ ли найдется человѣкъ, который бы оправдывалъ расправу нѣмецкихъ юнкеровъ съ населеніемъ оккупированныхъ районовъ. Съ другой стороны, мы читаемъ многочисленные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что Германія, какъ это съ радостью констатируютъ всѣ наши газеты, сейчасъ изолированная чуть ли не отъ всего міра, испытываетъ неимовѣрный, можетъ быть роковой для нея голодъ, страдаетъ отъ крайняго недостатка въ сырыхъ матеріалахъ и въ рабочей силѣ. Совершенно очевидно, что съ этимъ обстоятельствомъ связаны, конечно, тяжело отзывающіяся на оккупированномъ краѣ, мѣры германскихъ властей. И на этихъ мѣрахъ, въ періодъ *временной* оккупаціи Польши, П. Масловъ строитъ приведенную перспективу, грозящую Россіи *послѣ* войны. Не остается ли ждать построенія П. Масловымъ еще дальнѣйшей перспективы: какъ нѣмцы во время военныхъ дѣйствій разрушили рядъ городовъ, такъ они, въ случаѣ, если выйдутъ изъ войны побѣдителями, примутся разрушать наши города, чтобы... увеличить количество сбываемыхъ имъ германскихъ фабрикатовъ.

Заканчиваетъ свою статью П. Масловъ вялыми, безцвѣтными полусловами о тяжелыхъ экономическихъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны, какъ таковой, не дѣлая изъ этого никакихъ выводовъ. И для всякаго, кто знакомъ съ научными работами этого виднаго экономиста, не можетъ быть сомнѣнія, что вся упрощенность и, если можно такъ выразиться, выпотрошенность статьи, долженствующей служить фундаментомъ для всего сборника, является характерной не для П. Маслова, а для той концепціи „пріятія“, въ прокрустово ложе которой автору приходится уложить огромное и сложное содержаніе переживаемаго мірового кризиса.

Что касается другого автора—экономиста, К. Дмитріева, то его статья „Народное хозяйство въ началѣ второго года войны“ поражаетъ несоотвѣтствіемъ между всей статьей и ея концомъ. Дѣльная, въ общемъ, статья не безъ убѣдительности доказываетъ, что и внутренніе, и внѣшніе займы наши неизбѣжно будутъ имѣть послѣдствіемъ задержку экономическаго развитія Россіи (стр. 49), что дезорганизація народнаго хозяйства растетъ съ каждымъ днемъ, что такое положеніе страны, „въ свою очередь, должно задержать и политическое, и культурное ея возрожденіе“. Предвидя, что „экономическое раззореніе всѣхъ странъ, безпощадное истребленіе производительныхъ силъ грозитъ далеко откинуть назадъ и демократію, и культуру“, авторъ—въ полную противоположность П. Маслову—утверждаетъ, что это одинаково относится и къ побѣжденнымъ, и къ побѣдителямъ (стр. 55).

Ходъ мыслей настолько опредѣленъ у К. Дмитріева, что такъ и хочется спросить у него: стало быть, ваши выводы противоположны тѣмъ, которые дѣлаетъ Масловъ и остальные участники сборника? И вотъ какъ разъ въ моментъ, когда вы прочитали почти всю статью, и этотъ вопросъ готовъ сорваться съ устъ читателя,—авторъ неожиданно приставляетъ къ статьѣ краткій выводъ въ духѣ всего сборника... Странное впечатлѣніе получается: точно живому человѣку приклеили искусственную бороду, которая, кажется, вотъ-вотъ отвалится...

Вотъ и весь фундаментъ для круга идей „марксистскаго“ сборника...

VII. Національная государственность, имперіализмъ и пр.

Разсмотримъ еще вкратцѣ нѣсколько существенныхъ элементовъ зданія, возведеннаго на этомъ фундаментѣ.

Мы видѣли уже, какъ настойчиво твердитъ А. Потресовъ о сростаніи съ „національно государственнымъ цѣлымъ“. Тутъ рѣчь идетъ о двухъ силахъ—націи и государствѣ. Задался-ли авторъ вопросомъ объ ихъ взаимоотношеніи и его эволюціи?

Когда, въ свою очередь, П. Масловъ утверждаетъ, что „интернаціональные интересы являются ни больше, ни меньше, какъ гармоніей національныхъ интересовъ“ („Н. Д.“, № 3, 4, стр. 49), то тутъ уже совершенно неясно, имѣетъ-ли онъ въ виду націю, какъ государственное цѣлое, или же демократію въ предѣлахъ этого цѣлаго. Но достаточно бѣгло остановиться на двухъ силахъ—націи и государствѣ,—чтобъ увидѣть, что ихъ взаимоотношеніе пережило за послѣдніе свыше полувѣка весьма существенную эволюцію, о которой нельзя и догадаться, читая статьи обоихъ упомянутыхъ авторовъ.

О совпаденіи націи и государства могла быть рѣчь,—по крайней мѣрѣ, объ этомъ въ кругахъ буржуазной демократіи мечтали—въ срединѣ прошлаго столѣтія. Классическимъ выразителемъ этой идеи былъ Джузеппе Мадзини, а главной почвой, ее питавшей—эпоха фритредерскихъ и пасифистскихъ идей, эпоха Кобдена и Брайта. Но безпощадная дѣйствительность уже скоро по-своему обработала эту идею. Крупныя національныя государства (Италія, Германія) создались инымъ путемъ—силою оружія, а не благодаря торжеству пасифистски и фритредерски настроенныхъ круговъ буржуазной демократіи. И уже тогда получилась существенная перемѣна положенія: торжествовали не принципы экономическаго и политическаго либерализма, а торизмъ Биконсфильда въ Англіи, юнкерскій культъ Бисмарка въ Германіи. Уже тогда *государство оттѣснило націю на задній планъ.*

Но затѣмъ, постепенно начинаетъ свое торжествен-

ное шествіе господствующая сила новаго капиталистическаго фазиса—*финансовый* капиталъ. Протекціонизмъ не только укрѣпляетъ свои позиціи, но пріобрѣтаетъ совершенно иное значеніе. Онъ служитъ теперь не средствомъ для развитія собственной неокрѣпшей, молодой промышленности, а оружіемъ, при помощи котораго капиталъ обезпечиваетъ себѣ *монополію внутри* своего государства, чтобъ получить возможность завоеванія *за его предѣлами* новыхъ сферъ вліянія а господства.

Государство превращается въ помощника капитала въ дѣлѣ этого завоеванія. Въ рукахъ государства цѣлый арсеналъ средствъ: таможенные барьеры, вывозныя и иныя преміи, дэмпингъ или Schleuderkonkurrenz, ростъ милитаризма, военные заказы, цѣлая гамма методовъ захвата: мирное проникновеніе, протекторатъ и пр. Складывается эпоха конкуренціи между имперіалистическими государствами, какъ огромными торгово-промышленными фирмами. „Гармонія національныхъ интересовъ“ превращается въ свою противоположность. Національное государство стремится стать міровой державой, подчинить себѣ цѣлыя группы полуисторическихъ націй и племенъ, развивая неслыханную силу концентраціонныхъ тенденцій.

Тутъ, какъ и во всѣхъ процессахъ современной міровой жизни—соединеніе прогрессивныхъ и регрессивныхъ элементовъ. Противъ послѣднихъ пролетарская демократія выдвигаетъ въ настоящее время рядъ своихъ очередныхъ задачъ: тутъ и расширеніе емкости внутренняго рынка путемъ увеличенія доли участія пролетаріата въ общенаціональномъ доходѣ (что облегчило бы проблему выгоднаго помѣщенія переливающей черезъ край капиталистической прибыли), и коренная реорганизація налоговой системы въ соединеніи съ увеличеніемъ производительныхъ расходовъ государ-

ства, и борьба за ослабленіе протекціонизма, борьба противъ имперіализма и роста вооруженій, неизбѣжность которыхъ въ процессѣ роста концентраціонныхъ тенденцій есть только вопросъ соотношеній силъ. Наконецъ, выдвигается, какъ извѣстно, и идеалъ Соединенныхъ Штатовъ Европы.

Какъ бы то ни было, одно ясно: мечтать о мирныхъ чисто національныхъ государствахъ значитъ—мечтать повернуть назадъ колесо исторіи, значитъ—питать доподлинно реакціонную мечту о возвратѣ къ безвозвратно минувшей эпохѣ. Концентраціонныя тенденціи современнаго развитія создаютъ и для пролетарской международности — вопреки нынѣшнему кризису ея отсталой формы—все болѣе растущую и крѣпнущую почву.

И, наоборотъ, выдвигать идею „національно-государственнаго“ порыва значитъ—хвататься за отживающее. Принципіально это значитъ—не по марксистски примѣнять свои методы борьбы къ тенденціямъ развивающихся силъ, а поссибилистски приспособляться къ пережиткамъ прошлаго, стремиться ихъ увѣковѣчить. Практически же это значитъ—поставить свои силы даже не въ распоряженіе осужденнаго жизнью, и потому безсильнаго, былого принципа исключительной національной государственности, а въ распоряженіе вреднаго для демократіи принципа *націоналъ-либеральной* „великодержавности“, т. е. имперіализма.

Тутъ, на новой стадіи развитія получается именно тѣсное взаимопроникновеніе такого національзма и воинствующаго имперіализма. Съ точки зрѣнія международности, смыслъ пріобщенія къ имперіализму и заключается въ раздѣленіи демократіи разныхъ странъ національными антагонизмами, что, въ условіяхъ современности, ведетъ, въ свою очередь, къ отстраненію всемірной демократіи отъ вліянія на ходъ жизни въ

этихъ странахъ. Я уже не говорю о томъ, что двигаться впередъ, съ этой точки зрѣнія, можно путемъ усиленія, а не ослабленія второго изъ упомянутыхъ элементовъ, не путемъ „доразвивающагося до своего отрицанія національно государственнаго“ перваго элемента— не путемъ непримиримаго противопоставленія другъ другу отдѣльныхъ частей международнаго цѣлаго. Нельзя, что называется, изгонять черта при помощи Вельзевула...

Нечего и объяснять, что все сказанное относительно современнаго имперіализма въ сугубой мѣрѣ примѣнимо къ нашей странѣ, гдѣ еще стоитъ на очереди проблема внутреняя,—проблема сложная и тяжелая— именно потому, что запоздалая.

Выше уже упоминалось о подчеркиваемой А. Потресовымъ „подкрѣпленной опытомъ и успѣхомъ увѣнчанной тактикѣ использованія—въ интересахъ пролетаріата—существующей неоднородности буржуазнаго міра, его взаимно противоборствующихъ силъ“. И само собою разумѣется, что, если гдѣ-либо въ современныхъ культурныхъ странахъ, то именно въ Россіи примѣнима эта, дѣйствительно, испытанная тактика. И какъ разъ съ этой точки зрѣнія поддержка имперіализма—вольная или невольная, прямая или косвенная—только тормозитъ проблему внутреннюю.

Не можетъ быть, вѣдь, никакого сомнѣнія, что линія имперіализма толкаетъ противоборствующія силы буржуазнаго міра на то, чтобы *затушевать* свою собственную неоднородность, а не дать ее использовать. Вѣдь, именно имперіализмъ, какъ и культъ милитаризма, почти вездѣ явился почвой, на которой укрѣпился союзъ буржуазіи съ силами докапиталистическими. По этой линіи наименьшаго сопротивленія куда легче вліять на власть. Завоеваніемъ внѣшнихъ рынковъ легко замѣнить задачу расширенія, т. е. раскрѣпоще-

нія внутренняго рынка. Успѣхъ во внѣшней политикѣ ведетъ къ примиренію съ безсиліемъ во внутренней. И, наоборотъ, ослаблять линію имперіализма значитъ облегчить себѣ возможность использованія неоднородности, обострить постановку внутренней проблемы. И, опять таки, именно въ Россіи ослабленіе линіи имперіализма въ „буржуазномъ мірѣ" относительно болѣе возможно, чѣмъ гдѣ-либо. У насъ, вѣдь, процессъ насыщенія страны капиталомъ идетъ куда слабѣе, и самый имперіализмъ нашъ отечественный, въ извѣстномъ смыслѣ—имперіализмъ, „но съ другой стороны".

Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія выдвиганіе національно-государственнаго перваго элемента въ рамкахъ переживаемаго кризиса, какъ и весь специфическій кругъ идей авторовъ разсматриваемаго сборника, фактически являясь моральной поддержкой имперіализму, помимо того, что наноситъ ударъ второму элементу,— еще затрудняетъ использованіе неоднородности интересовъ буржуазнаго міра и только *отдаляетъ* рѣшеніе внутренней промблемы.

Какъ разъ въ послѣднее время у насъ много толкуютъ о координированіи силъ демократіи съ прогрессивными элементами буржуазіи. Это—другая сторона той же медали—использованія неоднородности. И сюда поэтому въ полной мѣрѣ относится сказанное выше объ отношеніи между задачами и средствами для ихъ рѣшенія. Уже приходилось указывать, что нельзя различать *субъективно*, въ своемъ сознаніи, между пролетарскимъ первымъ элементомъ „защитнаго цвѣта" и аггрессивнымъ буржуазнымъ,—и въ то же время *фактически* лить воду на мельницу воинствующаго имперіализма.

Но точно также нельзя *желать* координированія силъ съ прогрессивной буржуазіей въ борьбѣ противъ отжившаго—и, въ тоже время, *на дѣлѣ* поддерживать

линію, сближающую буржуазію съ этимъ отжившимъ. Нельзя, *субъективно* стремясь къ координированію силъ, *объективно* практиковать ихъ дезорганизацію. Если хотите, это тоже значитъ координировать, даже подчинить себѣ силы буржуазіи, взять ихъ въ плѣнъ,— но такъ, какъ это сдѣлалъ фигурирующій, кажется, у Толстого солдатикъ, заявившій: „я взялъ въ плѣнъ двухъ французовъ, но они меня не пущаютъ"...

Точно также, какъ и съ имперіализмомъ, дѣло обстоитъ и съ милитаризмомъ. Съ той, впрочемъ, разницей, что тутъ можно говорить не только о перспективахъ, вытекающихъ изъ теоретическаго анализа,—тутъ передъ нами уже опредѣленные и яркіе факты настоящаго. Ибо кто же теперь, когда военная катастрофа собирается праздновать свой двухлѣтній юбилей, не знаетъ, не видитъ воочію, что напѣвы либеральной печати о борьбѣ за уничтоженіе германскаго милитаризма составляютъ лишь акомпаниментъ къ основному дѣйствію—торжественному шествію того же милитаризма, празднующаго свою внутреннюю побѣду во всѣхъ капиталистическихъ странахъ зап. Европы и др., какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ.

И ясно, что въ настоящее время, въ обстановкѣ военной катастрофы, въ любой странѣ національно-государственный первый элементъ, въ какой бы защитный и антимилитаристическій цвѣтъ онъ себя субъективно не окрашивалъ, есть ни что иное, какъ элементъ дредноутовъ, пулеметовъ и сумбаринъ.

Впрочемъ, не только въ настоящее время, ибо положеніе обязываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, милитаристическая организація, хотя-бы защитная, требуетъ большой и длительной подготовки. Это лучше всего обнаружилось въ ходѣ нынѣшней войны. И если во время защиты нужно участвовать въ организаціи милитаристическаго аппарата, то—спрашивается—какъ можно

отвергать участіе въ заблаговременной подготовкѣ этого аппарата? Когда пора на охоту итти,—уже поздно кормить собакъ. И за авторами сборника остается серьезный долгъ—отвѣтъ на вопросъ: какъ они, послѣ своей линіи во время войны, смогутъ въ мирное время выполнять одинъ изъ основныхъ пунктовъ, очевидно, признаваемой ими демократической программы—непосредственную борьбу съ милитаризмомъ, голосованіе противъ военныхъ бюджетовъ и пр.? Нельзя же себѣ представить, чтобы А. Потресовъ и въ этомъ пунктѣ счелъ нужнымъ произвести „переоцѣнку прошлаго", отправляясь отъ той „новизны", которая присуща нынѣшней войнѣ...

Наконецъ, такой же противорѣчивостью отличается отношеніе разсматриваемаго теченія, претендующаго на ограниченіе войны задачами одной только самозащиты, къ вопросу объ ея условіяхъ, ея предѣлахъ, формахъ реализаціи и т. п.

Прежде всего, возникаетъ естественно вопросъ о *критеріи* для опредѣленія оборонительнаго именно характера войны. И тутъ сразу же представители этого теченія безвыходно запутываются въ противорѣчіяхъ. Вотъ, напримѣръ, участникъ сборника, Вл. Вольскій въ своей статьѣ ставитъ вопросъ,—„для какой изъ столкнувшихся сторонъ настоящая война является оборонительной". И тутъ же рѣшаетъ этотъ вопросъ чрезвычайно просто: „Германскія войска занимаютъ всю Бельгію, сѣверъ Франціи, всю Сербію, всю Польшу, всю Литву и значительную часть Прибалтійскаго Края".

Давая такой полный и пріятный для сердца Вильгельма списокъ его временныхъ побѣдъ, авторъ, очевидно, выставляетъ критеріемъ территоріальное положеніе линіи фронта. Но такой критерій сейчасъ же неизбѣжно вызываетъ рядъ недоумѣній. Онъ, вѣдь,

приводитъ къ тому, что для одной и той же страны война въ теченіе даже короткаго времени можетъ поочередно мѣнять свой характеръ: изъ оборонительной сдѣлаться наступательной и наоборотъ. Это пришлось бы примѣнить, напримѣръ, къ Россіи за первый годъ войны.

Во-вторыхъ, бываетъ и такъ, что страна даже въ одинъ и тотъ же моментъ оказывается въ двойственномъ положеніи: вынужденная защищать часть своей территоріи, занятой противникомъ, она въ то же время сама занимаетъ часть его территоріи, ведя тамъ наступленіе. Такихъ примѣровъ показала намъ достаточно нынѣшняя война. Въ такомъ случаѣ Вл. Вольскому пришлось бы къ двумъ категоріямъ оборонительной и наступательной войны присоединить еще третью наступательно-оборонительную, т. е. демонстрировать несостоятельность самой классификаціи.

Наконецъ, одна особенность міровой войны дѣлаетъ эту классификацію совсѣмъ уже безнадежной. Вѣдь, и самъ Вл. Вольскій правильно выражается, ставя вопросъ,—„для какой изъ столкнувшихся *сторонъ* настоящая война является оборонительной". А сторонами въ современной имперіалистической войнѣ являются не два государства, а двѣ *коалиціи* государствъ. И если отдѣльное государство не можетъ ограничиться положеніемъ только защищающаго свою территорію, то выдержать этотъ критерій тѣмъ болѣе невозможно по отношенію къ столкновенію двухъ большихъ коалицій. И если Вл. Вольскій имѣетъ возможность для настоящаго момента привести большой списокъ занятыхъ войсками Германіи территорій ея противниковъ, то надо замѣтить, что дѣла противогерманской коалиціи обстоятъ не такъ уже скверно, и даже для этого момента можно привести немалый списокъ земель и колоній, принадлежащихъ германо-австро-турецкой

коалицій и занятыхъ войсками противной стороны. Ясно, что прочной почвы такой критерій не даетъ никакой.

А между тѣмъ къ нему то и дѣло возвращаются въ своихъ блужданіяхъ разные представители даннаго теченія. П. Масловъ, напримѣръ, тоже заявляетъ: „Когда задача самозащиты со стороны населенія данной страны исполнена, когда опасность экономической или политической зависимости, благодаря нападенію другой страны, исчезла,—для демократіи продолженіе самозащиты является уже безцѣльнымъ“ („Н. Д.“, № 3—4, стр. 49). Мы видѣли, что на ту же колею попадаетъ и А. Потресовъ, полагающій, что международная воля демократіи, наблюдая за тѣмъ, у какой стороны заняты непріятелемъ „десятки губерній“, должна и можетъ провозглашать то одну, то другую сторону „въ состояніи законной обороны“,—смотря по тому, у какой стороны „дѣло обороны было бы успѣшно закончено“.

И обоихъ авторовъ мало смущаетъ то, что въ борьбѣ современныхъ воюющихъ коалицій никогда невозможно или, по меньшей мѣрѣ—невѣроятно наступленіе такого момента успѣшнаго окончанія одной лишь самозащиты своей территоріи. Невѣроятно даже на сторонѣ одной изъ коалицій,—тѣмъ болѣе на сторонѣ обѣихъ. Неужели не видятъ наши авторы, что примѣненіе этого территоріальнаго критерія уничтожаетъ перспективу окончанія войны когда-либо,—развѣ только за полнымъ истощеніемъ всѣхъ силъ?

Или видятъ и именно поэтому нерѣдко сбиваются на другой критерій: кто первый началъ войну? Но тутъ и сами эти авторы вынуждены—въ другой связи—признать рискованность примѣненія критерія. „Схватившись за принципъ самозащиты“,—говоритъ П. Масловъ—„буржуазныя партіи используютъ его для того,

чтобы расчистить себѣ путь и... самозащиту превратить въ завоевательную войну“ (стр. 44). Вл. Вольскій тоже говоритъ объ опасности „вовлеченія рабочихъ правящими кругами разныхъ странъ въ братоубійственную войну. Стоитъ только представить затѣваемую войну оборонительной... А средствъ для такого одурачиванія массъ все еще достаточно въ распоряженіи власть имущихъ“ (стр. 81). И, дѣйствительно, яркій образчикъ такого одураченія мы видѣли даже въ прежнее время: достаточно вспомнить дипломатію Бисмарка, фальсификатора Эмской депеши передъ франко-прусской войной 1870 г.

Но мало того, что есть много средствъ „представить“ войну оборонительною. Иногда она оказывается оборонительною неожиданно, противъ воли,—въ силу плохой подготовленности начавшаго наступленіе, въ силу неожидавшаго поворота „военнаго счастья“. Классическій примѣръ такого рода даетъ намъ та же франко-прусская война—въ лицѣ Наполеона III. И, наоборотъ, даже въ цѣляхъ дѣйствительно оборонительныхъ, при современныхъ условіяхъ, *неизбѣжно* стремленіе обороняющейся стороны занять территорію противника (т. е. создать для *него* территоріальный критерій обороняющагося)—хотя бы съ цѣлью только временно оккупировать занятую территорію и потомъ за возвратъ ея получить „справедливыя“ условія мира. Словомъ, тутъ въ полной мѣрѣ дѣйствуетъ извѣстный тактическій принципъ: лучшій способъ обороны—это нападеніе.

Такую, въ общемъ, аргументацію выдвигаетъ, вѣдь, наша лѣволиберальная печать съ „Русскими Вѣдомостями“ во главѣ, когда онѣ, протестуя противъ „оборонческой“ позиціи, справедливо доказываютъ, какъ мы уже видѣли, что для дѣйствительности обороны необходимо наступленіе, необходима полная и рѣшительная побѣда надъ Германіей. Пусть на самомъ дѣлѣ

наша лѣволиберальная печать, и не только она, не преслѣдуетъ исключительно оборонительныхъ цѣлей, а очень даже лелѣетъ мечты объ осуществленіи „національныхъ задачъ“. Но *логическая* правильность ея возраженій сторонникамъ одной только „обороны“ не исчезаетъ отъ этого.

Въ томъ то и дѣло, что сама позиція исключительно оборонительныхъ задачъ въ нынѣшнихъ войнахъ представляется внутренне противорѣчивой для демократіи. Позиція эта совершенно не стоитъ на уровнѣ пониманія сущности борющихся силъ и историческаго смысла войны въ періодъ новѣйшаго фазиса капитала съ его міровыми расширительными тенденціями.

VIII. Шило въ мѣшкѣ.

Однако, какъ ни стараются представители даннаго теченія, участвующіе въ сборникѣ, базироваться исключительно на новомъ принципѣ, скрыть отъ себя и отъ читателей *иной* исходный пунктъ своей эволюціи,— этотъ исходный пунктъ нѣтъ-нѣтъ да и выскочитъ, точно шило изъ мѣшка.

А. П. Бибикъ, напримѣръ, весьма рѣшительно ставитъ такую „дилемму“ дальнѣйшихъ политическихъ судебъ Россіи въ связи съ ходомъ войны: „*Или* западная демократія и скорѣйшее раскрѣпощеніе Россіи, *или* — прусскій сапогъ“ (стр. 125). Авторъ, такимъ образомъ, примыкаетъ къ концепціи освободительнаго характера войны въ весьма распространительномъ его толкованіи. А всегда побивающій рекордъ рѣшительности В. Львовъ-Рогачевскій утверждаетъ, что волею историческихъ судебъ „наша страна вмѣстѣ съ демократической Европой, какъ ея часть, вынуждена бороться противъ натиска новаго „Священнаго союза“

правительствъ, противъ тѣхъ силъ, которыя въ интересахъ юнкерства цѣлыхъ сто лѣтъ питали русскую реакцію и русскую отсталость“ (стр. 140).

Такимъ образомъ не только мы теперь знаемъ, наконецъ, гдѣ кроется источникъ нашей реакціи, нашей отсталости, но становится яснымъ одно изъ двухъ: либо Россія—не больше, не меньше, какъ „часть демократической Европы“, либо же она, хотя еще не является такой частью, но „волею историческихъ судебъ“ вынуждена стать такой частью въ процессѣ нынѣшней войны. Мы, такимъ образомъ, въ извѣстномъ отношеніи возвращаемся къ первѣйшему по времени и рѣшительнѣйшему по содержанію заявленію группы московскихъ марксистовъ въ самомъ началѣ войны. Это „діалектически“ построенное заявленіе, какъ помнитъ читатель, утверждало, что участники антигерманской коалиціи, вопреки своимъ желаніямъ, объективной логикой вещей поставлены въ необходимость осуществленія и пр. Теперь, послѣ всего пережитаго, никто изъ авторовъ московскаго заявленія этого говорить не рѣшается. Но В. Львовъ-Рогачевскій рѣшился. И шило высунулось изъ мѣшка.

Весь предыдущій анализъ показалъ, что рядъ и другихъ чертъ, характерныхъ для перваго фазиса эволюціи марксистскаго „пріятія“, присущъ его представителямъ также въ новомъ фазисѣ. И это тѣмъ болѣе любопытно, что, какъ я уже сказалъ, многочисленные и весьма краснорѣчивые факты дѣйствительности дѣлаютъ прямо невозможнымъ повтореніе отъ своего имени многаго изъ того, что утверждалось и проповѣдывалось въ первый фазисъ эволюціи. Наоборотъ, приходится нерѣдко критиковать такія же утвержденія и дѣйствія, исходящія изъ либеральнаго лагеря—въ согласіи съ общимъ психологическимъ закономъ, по которому обыкновенно больше всего порицаешь свои недо-

статки въ другихъ людяхъ. Такая критика—спеціальность, главнымъ образомъ, Евг. Маевскаго.

„Кадетская партія"—говоритъ онъ,—„дѣйствительно питала надежду на то, что существующія внутреннія условія не послужатъ препятствіемъ для обороны страны". „Къ разгулу безудержнаго и крикливаго шовинизма, нанесшаго не мало вреда дѣлу обороны, русскій либерализмъ замѣтно приложилъ и свою руку". „Русскій либерализмъ пытался въ первое время вынырнуть на поверхность политической арены, уцѣпившись за чужую и, какъ ожидали, побѣдную колесницу"... (стр. 95). Цензовая Россія „оказывала *содѣйствіе* и помощь государственной власти на почвѣ внутренняго status quo", что „объективно означало молчаливое согласіе на закрѣпленіе" существующихъ внутреннихъ условій (стр. 95).

В. Левицкій тоже характеризуетъ поведеніе общественныхъ элементовъ въ первую пору, какъ „общественно-политическую *демобилизацію*", характеризуетъ сказанными позже (на совѣщаніи городского союза) словами Н. И. Астрова: „Русскіе города, русское земство, общество и весь народъ... все довѣрили органамъ власти и всемѣрно стали содѣйствовать той же власти, въ рукахъ которой находились теперь честь, достоинство, можетъ быть,—самая судьба Россіи"... (стр. 111).

Но, конечно, всѣ эти характеристики мѣтятъ только въ кадетовъ. Кто скажетъ, что онѣ попадаютъ много лѣвѣе ихъ? Кто скажетъ, что упоминавшійся выше мудрый лозунгъ „не противодѣйствовать" означалъ не что иное, какъ ту же политическую демобилизацію. И, конечно, тутъ не было никакого передовѣрія органамъ и пр.!

Да и въ нынѣшній фазисъ эволюціи участники сборника не прочь поддерживать либеральную идею, формулированную неоднократно нашей печатью въ

словахъ: „путь къ побѣдѣ есть путь къ свободѣ“. Не прочь и теперь, когда самихъ либераловъ опытъ жизни убѣдилъ въ иллюзорности ихъ чаяній на этомъ пути. „Теперь организація защиты неразрывно связана съ борьбою за демократизацію страны“—говоритъ Вл. Вольскій (стр. 89). И затѣмъ продолжаетъ: „Попробуйте провести сколько-нибудь серьезно дѣло обороны и вы убѣдитесь, что безъ активнѣйшаго участія въ немъ всѣхъ слоевъ народа это совершенно неразрѣшимая задача“ (стр. 90). „Это необходимое участіе народа должно раздвинуть рамки существующей организаціи, должно вести къ демократизаціи нашего строя“ (91).

Впрочемъ, въ этихъ послѣднихъ словахъ дѣло принимаетъ отчасти уже иной оборотъ, который въ одномъ закоулкѣ статьи В. Левицкаго выраженъ болѣе явственно: „Задача обороны, которая могла быть дѣйствительной только при всесторонней организаціи общественныхъ силъ и устраненіи всѣхъ путъ, сковывающихъ всю присущую демократіи энергію“... (стр. 111). *Только* при устраненіи всѣхъ путъ. А *до* этого устраненія указанная „задача“ не дѣйствительна?

Отчасти въ ту же сторону неожиданно сворачиваетъ и Вл. Вольскій, который „лозунгомъ движенія“ провозглашаетъ: „демократизація страны во имя ея защиты“ (90). Такъ ли именно представляютъ себѣ участники сборника,—что во имя чего? А не наоборотъ? Если бы именно такъ, то отпало бы не только названіе сборника, но и все его содержаніе. Тогда они должны были бы издать *совсѣмъ* иной сборникъ.

Но, конечно, этотъ неожиданный оборотъ принадлежитъ уже не къ числу расхожденій различныхъ участниковъ сборника между собою, что оговорено въ его предисловіи, а къ числу немалочисленныхъ внутреннихъ противорѣчій въ аргументаціи однихъ и тѣхъ же авторовъ, пытающихся выйти изъ противорѣчія между

обоими фазисами своей эволюціи. Давно сказано: Qui prouve trop, ne prouve rien. Или, пожалуй, доказываетъ, но нѣчто иное...

Несомнѣнно, въ отношеніи затронутаго вопроса по существу правильнѣе характеризуетъ позицію разсматриваемаго теченія Евг. Маевскій. Хотя, говоритъ онъ, рабочая демократія имѣетъ внутри страны противоборствующую ея интересамъ силу, но „вторгнувшіяся въ страну германскія арміи и тѣ условія, которыя привели къ этому вторженію, представляютъ собою для тѣхъ же интересовъ рабочаго класса опасность болѣе непосредственную и грозную“. И потому онъ въ качествѣ лозунга выдвигаетъ „старую тактическую истину о поддержаніи меньшаго зла противъ большаго“... (стр. 94). Вотъ это правильнѣе и послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія сборника. Къ этой формулѣ „поддержанія“ прибавить уже нечего.

Изъ остального содержанія сборника, для общей характеристики представляемаго имъ теченія, стоитъ остановиться на нѣкоторыхъ выпуклыхъ чертахъ, слѣдуя, въ общемъ порядку статей отдѣльныхъ авторовъ.

Выше приходилось уже показывать, какъ А. Потресовъ мечетъ громы противъ представленія о „Россіи, еще не доросшей“, но уже „зажигающей свѣтъ на весь міръ“. Смѣясь надъ „восточными праведниками, несущими свое просіяніе европейскому міру“ и надъ „восточнымъ интернаціонализмомъ“ русской демократіи, онъ находитъ, что ей надо „стряхнуть съ себя мертвыя объятія азіатчины“, поступить „въ приготовительный классъ“ школы гражданственности. Такое противопоставленіе „востока“ „западу“ ставитъ, какъ я уже указывалъ, А. Потресова второго, „защитнаго“ фазиса въ характерное противорѣчіе съ А. Потресовымъ перваго фазиса эволюціи, когда онъ изъ всего „запада“ выдѣ-

лилъ и противопоставлялъ ему Германію, какъ главную носительницу „грѣховности“.

Конечно, иная позиція,—иныя пѣсни. И, если теперь поются гимны западному „порыву“ страны, то заодно приходится славословить и „порывъ“ въ Германіи. Извѣстно,—изъ пѣсни слова не выкинешь. Но, что тутъ есть противорѣчіе, коллизія съ недавнимъ прошлымъ, съ пѣснями перваго фазиса,—это, очевидно опредѣленно чувствуется кое-кѣмъ изъ участниковъ сборника.

Такъ, напримѣръ, П. Масловъ тоже противъ интернаціонализма русской демократіи, какъ „максимализма, являющагося, повидимому, неизбѣжной младенческой болѣзнью роста политическаго сознанія рабочаго класса“. „Отсутствіе политическаго и соціальнаго опыта является какъ бы аттестатомъ, если не на политическую зрѣлость, то, по крайней мѣрѣ, на ортодоксальность, на правильность пониманія интересовъ рабочаго класса. Поэтому нѣкоторые соціалисты Россіи и Сербіи порицаютъ рабочій классъ Франціи, Бельгіи, Англіи, Австраліи и т. п., имѣющій колоссальный политическій и соціальный опытъ и, несмотря на это, якобы увлеченный буржуазіей на ложный путь“ (стр. 30).

Тутъ, конечно, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе нѣсколько обывательская для марксиста аргументація—ссылка на колоссальный опытъ. Для марксиста этого опыта, само собою разумѣется, недостаточно. Длительность опыта сама по себѣ не обезпечиваетъ отъ дѣйствительнаго, а не „якобы увлеченія на ложный путь“, ибо еще надо принять во вниманіе, въ какой обстановкѣ, въ какихъ внутреннихъ и международныхъ условіяхъ экономическаго развитія и соотношенія классовъ протекалъ этотъ опытъ. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ опытъ гарантировалъ французскихъ рабочихъ отъ господства тенденцій аполитизма и анархизма? Развѣ дѣйствительно колоссальный опытъ англійскаго пролета-

ріата предохранилъ его отъ консерватизма, отъ длительнаго „увлеченія либеральной буржуазіей на ложный путь“, отъ упорнаго отверженія идей коллективизма и т. д.?

А въ такомъ случаѣ придется выбрать одно изъ двухъ: либо изъ факта огромнаго опыта французскихъ и англійскихъ рабочихъ сдѣлать выводъ о необходимости привить и неопытнымъ русскимъ рабочимъ указанныя черты французскаго и англійскаго рабочаго движенія; либо же отказаться отъ всякой санкціи „порыва“ западно-европейскихъ рабочихъ на основаніи ихъ опыта, отказаться отъ огульной квалификаціи настроенія русской демократіи, какъ максимализма и пр.

Но въ приведенныхъ словахъ П. Маслова имѣется еще и другая любопытная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ говоритъ о колоссальномъ опытѣ рабочихъ „Франціи, Бельгіи, Англіи, Австраліи и т. д.“. Почему въ этомъ случаѣ П. Масловъ, включивъ въ перечисленіе даже Австралію, вдругъ, что называется, слона не замѣтилъ—Германіи? Или ее онъ стыдливо упряталъ въ короткое „и т. д.“? Откуда же вдругъ такая стыдливость? Повидимому, самъ авторъ чувствуетъ, какъ шатка эта позиція, какъ двусмысленна эта санкція „порыва“, гдѣ бы онъ ни проявлялся, какъ легко она наводитъ мысль на внутреннюю противорѣчивость позиціи второго фазиса, въ какую коллизію приходишь тогда съ идеей международности, наконецъ,—въ какую еще большую коллизію попадаешь съ недавнимъ безмятежнымъ прошлымъ, когда все было такъ ясно, просто—на одной сторонѣ—праведники, на другой—воплощеніе грѣховности.

Впрочемъ, нѣкоторые участники сборника отличаются большей рѣшимостью, чѣмъ П. Масловъ. Напримѣръ, В. Засуличъ тоже отрицательно относится къ „факту преобладанія интернаціонализма именно среди

русскихъ рабочихъ", ссылаясь на то, что въ жизни организованныхъ рабочихъ запада „интернаціоналъ занималъ безконечно болѣе мѣста". Но, во-первыхъ, среди западныхъ странъ В. Засуличъ не боится назвать и Германію, справедливо указывая, что „вслѣдъ за рабочей партіей Германіи, рабочія партіи Франціи и Бельгіи приняли самое энергичное участіе въ организаціи обороны". Во-вторыхъ, она изъ этого не боится сдѣлать и прямой выводъ: „Разъ оказавшись безсильнымъ остановить нападеніе, интернаціонализмъ уже не могъ, *не долженъ былъ* мѣшать оборонѣ"... (стр. 3).

То-же приблизительно говоритъ и И. Кубиковъ, который признаетъ, что „и для Германіи мыслимъ былъ моментъ, когда война изъ наступательной могла перейти въ оборонительную", и въ связи съ этимъ полагаетъ, что была всеобщая опасность во всѣхъ странахъ, что чувствомъ опасности продиктованы такія дѣйствія, какъ голосованіе за военный бюджетъ и пр.

Не знаю, впрочемъ, въ какой мѣрѣ послѣдній авторъ вообще характеренъ для представляемаго сборникомъ теченія. По крайней мѣрѣ, такой вопросъ невольно навязывается, когда этотъ авторъ, справедливо отвергая рѣшеніе проблемы объ отношеніи къ войнѣ на основаніи голой формулы „у рабочихъ нѣтъ отечества",— выдвигаетъ въ пользу своего рѣшенія этой проблемы такой оголенный обывательскій доводъ, какъ слова „поэта-общественника": „Милѣй въ своихъ лохмотьяхъ и слезахъ страна родная"... Конечно, милѣе,—кто этого не знаетъ? Но развѣ этимъ рѣшается данная серьезная общественная проблема?

Въ этомъ пунктѣ странную вещь продѣлываетъ и В. Вольскій. Онъ много мѣста удѣляетъ тому же голому аргументу „у пролетаріевъ нѣтъ отечества". Съ одной стороны, онъ безъ всякой надобности „на минуту *принимаетъ* этотъ аргументъ", почему-то заявляя:

„Все же этотъ аргументъ мы имѣли печальное право сохранить для себя,—у *насъ* нѣтъ отечества, и потому не наше дѣло защищать чужое отечество“ (82). Съ другой стороны, онъ даетъ ему чрезвычайно распространительное толкованіе,—въ смыслѣ того, что „намъ нѣтъ дѣла до организаціи власти въ странѣ, до участія въ созданныхъ буржуазіей въ своихъ интересахъ организаціяхъ, до всѣхъ многоразличныхъ формъ участія въ сложной общественно-политической жизни страны“.

Тутъ авторъ до извѣстной степени идетъ по стопамъ А. Потресова, который, какъ мы видѣли, приписываетъ своимъ оппонентамъ съ „ясными головами“ и „дальнозоркими глазами“, мысль, что Россія „еще недоросшая“ и пр., „уже зажигаетъ свѣтъ на весь міръ“. А. Потресовъ, создавъ въ своемъ воображеніи такихъ оппонентовъ, сильно сокрушается и восклицаетъ: „Можно было бы сойти съ ума въ Россіи“... отъ продукта собственнаго же воображенія. В. Вольскій тоже по своему желанію создалъ себѣ въ воображеніи оппонентовъ, но вложилъ имъ въ уста такіе доводы, отъ которыхъ, пожалуй, съ ума сойти нельзя, съ которыми зато очень легко справиться. Остается только пожалѣть о такомъ произвольномъ выборѣ себѣ оппонентовъ. Есть, во всякомъ случаѣ, и другіе, въ глазахъ которыхъ голый аргументъ объ „отсутствіи отечества“ не играетъ никакой роли. Надо замѣтить, что болѣе удобныхъ оппонентовъ по собственному желанію конструируетъ себѣ А. Потресовъ и тогда, когда приписываетъ имъ, въ сущности, нереалистическую позицію космополитизма, какого-то апатріотизма, вмѣсто интернаціонализма.

Отчасти то же относится къ другому пункту статьи В. Вольскаго. Онъ не безъ убѣдительности и совершенно справедливо возражаетъ противъ ложнаго и опаснаго представленія, будто на внѣшнемъ разгромѣ можно строить надежды въ смыслѣ достиженія внутрен-

нихъ болѣе свободныхъ формъ. „Лишь при одномъ условіи—говоритъ авторъ,—удары извнѣ, расшатывающіе старый режимъ, позволяютъ оппозиціоннымъ силамъ воспользоваться создавшимся положеніемъ. Это бываетъ тогда, когда оппозиціонныя силы представляютъ собою... подлинную силу, т.-е. когда онѣ достигли достаточно высокой степени организованности и пользуются значительнымъ вліяніемъ въ массахъ“. Въ противномъ случаѣ, по миновании критическаго момента, „наиболѣе организованной, наиболѣе подготовленной и пригодной для использованія власти силой является все тотъ же старый режимъ“. „Тотъ опытъ, который мы продѣлали десять лѣтъ тому назадъ, подтверждаетъ ту же истину“. Разгромъ можетъ породить стихійное движеніе, хаосъ, но это не въ интересахъ демократіи. „Великія цѣли освобожденія достигаются работой внутри страны“.

Повторяю, все это весьма справедливо и убѣдительно не только для сторонниковъ представляемаго сборникомъ теченія, но и для ихъ невыдуманныхъ оппонентовъ. Вѣдь, именно въ заявленіи этихъ послѣднихъ, датированномъ еще октябремъ прошлаго года (значительно раньше выхода сборника), В. Вольскій могъ прочесть тѣ же доводы, почти буквально *въ тѣхъ же выраженіяхъ*...

До сихъ поръ мнѣ не приходилось ни разу упомянуть объ одномъ участникѣ сборника—объ Анѣ, за статью котораго какъ-то не представляется возможнымъ дѣлать отвѣтственнымъ все представляемое сборникомъ теченіе.

Для характеристики запальчивой и глубокомысленной статьи Ана достаточно привести пару иллюстрацій.

Само собою разумѣется, что Анъ не преминулъ также сдѣлать попытку выѣхать на большой распространенности того же порыва и считаетъ посрамлен-

ными тѣ немногія страны, гдѣ демократія порывомъ не охвачена. Всего „сербы да мы!“,—патетически восклицаетъ Анъ. Я уже не говорю о томъ, что если Вольскій даетъ слишкомъ добросовѣстный списокъ, то Анъ—наоборотъ. Но пафосъ заводитъ автора такъ далеко, что отношеніе къ войнѣ въ Англіи онъ характеризуетъ такъ: „Вотъ это дѣйствительно знаменательное явленіе. Послѣдователи научнаго соціализма за „имперіалистовъ“, т. е. за войну, а послѣдователи ненаучнаго, сумбурнаго соціализма противъ войны. Тутъ за „послѣдователя научнаго соціализма“, за представителя „марксистской соціалъ-демократической партіи“ выдается тотъ самый Гайндманъ, который и до войны ратовалъ за милитаризмъ, за увеличеніе военнаго флота и пр.

Съ той же рѣшительностью Анъ противопоставляетъ экономику политикѣ и увѣряетъ, что „западно-европейскій пролетаріатъ на войну смотритъ съ точки зрѣнія соціальной борьбы, слѣдовательно, съ точки зрѣнія *экономическаго* развитія своей страны“,—ни мало не смущаясь тѣмъ, что „пріемлющіе“ французскіе, англійскіе и прочіе пролетаріи смысломъ войны выставляютъ какъ разъ наоборотъ—именно борьбу за демократію, т. е. за „политику“.

„Кто изъ насъ стоитъ на почвѣ марксизма—россійскіе или западно-европейскіе соціалъ-демократы“?—спрашиваетъ Анъ. И тутъ же побѣдоносно отвѣчаетъ: „Безусловно послѣдніе. Вѣдь, марксизмъ исходитъ не изъ политическихъ, а изъ экономическихъ соображеній“... И, не замѣчая, что попадаетъ во многихъ своихъ сотоварищей по сборнику, авторъ презрительно клеймитъ, какъ „отшедшихъ отъ принциповъ марксизма“, тѣхъ, кто „на всемірную войну смотритъ съ точки зрѣнія своей политической колокольни“.

По той же „научной“ мѣркѣ выкроена и междуна-

родность Ана. „Нѣтъ сомнѣнія—говоритъ онъ, — что всѣ марксистскія партіи Европы подошли къ войнѣ съ точки зрѣнія экономическаго развитія, т. е. остались на почвѣ марксизма. Но такъ какъ каждая изъ нихъ считала свою страну въ состояніи обороны, естественно, что онѣ, считаясь съ постановленіемъ интернаціонала, взялись за оружіе“. Хороша перспектива „интернаціонала“, если всѣ народы всегда будутъ считать себя въ положеніи обороны и—по постановленію интернаціонала—то и дѣло будутъ хвататься за оружіе...

Своеобразное знакомство съ реальными условіями общественной жизни Россіи и остальной Европы обнаруживаетъ Анъ. Подхватывая мысль П. Б. Аксельрода, что необходимость рѣшить общеполитическую задачу, ложащуюся на плечи русскаго пролетаріата, накладываетъ свою печать на идеологію его представителей, Анъ по-своему препарируетъ эту мысль. Россія, молъ, находится въ томъ же положеніи, въ какомъ Западъ находился еще до начала самостоятельнаго рабочаго движенія. Пролетарскую борьбу прикрываетъ общедемократическая борьба. И у насъ „въ этой борьбѣ всѣ заинтересованные классы очень близко стоятъ другъ къ другу, пролетарскіе и непролетарскіе элементы часто смѣшиваются и образуютъ одну общую боевую фалангу“.

Не правда-ли, поразительная правдивость и вѣрность нарисованной авторомъ картины современной *россійской* дѣйствительности? Такъ и кажется, что это—фотографія съ современной дѣйствительности именно „Запада“,—напримѣръ, Франція и Англія.

Для пополненія удачъ нашего автора, который на протяженіи семи страницъ своей статьи умудряется все время, что называется, приходить, да не туда,—Анъ свои стрѣлы направляетъ въ народниковъ съ ихъ „мелко буржуазной точкой зрѣнія своей политической

колокольни“, съ ихъ беззаботностью на счетъ того, что отъ неудачной войны Россія застрянетъ на данномъ экономическомъ фазисѣ или даже вернется назадъ къ общинному землевладѣнію. Ужъ не говоря о томъ, что тутъ совершенно зря авторъ поддается страху неудачи нашей, подражая Маслову,—Анъ упускаетъ изъ виду только одно обстоятельство,—что народники въ Россіи являются, по его же классификаціи, подлинными марксистами, ибо по части пріятія они цѣликомъ примыкаютъ къ „Западу“.

Заключительная статья сборника принадлежитъ В. Львову-Рогачевскому. Она составляетъ недурной финальный аккордъ для всего сборника, внося въ него элементъ пикантности еще больше, чѣмъ статья Ана. Если при чтеніи статьи В. Вольскаго иной читатель, быть можетъ, спрашивалъ себя,—кого онъ имѣлъ въ виду, справедливо и убѣдительно возражая противъ „пораженческихъ“ чаяній, то, прочтя заключительную статью сборника, онъ убѣдится, что именно В. Львова-Рогачевскаго имѣлъ или, по крайней мѣрѣ, могъ имѣть въ виду В. Вольскій. До такой степени проявляетъ усердіе не въ мѣру В. Львовъ-Рогачевскій, какъ бы задавшись цѣлью доказать и въ стихахъ, и въ прозѣ будто Россія, какъ это говорилъ и Шингаревъ въ Гос. Думѣ, только побитая, дѣлала культурно-политическій шагъ впередъ.

Начинаетъ нашъ авторъ съ отечественной войны 1812 года. „Послѣ отдачи Москвы“, „лучшіе русскіе люди мучительно остро пережили историческій урокъ и вопіющія противорѣчія россійской дѣйствительности: „Освободитель Европы“ былъ у себя дома рабомъ, отъ имени страны говорили люди, чуждые народу“ (стр. 129). Пушкинъ показалъ, чѣмъ былъ 1812 годъ для русской литературы, для русской общественности и русскаго самосознанія, чѣмъ сталъ необычайный образъ

Наполеона для цѣлаго поколѣнія русскихъ людей, когда былъ, по выраженію Тютчева, „и умъ людей великой тѣнью полонъ“ (130). И самъ „Александръ I тоже, казалось, былъ захваченъ либеральными идеями“.

Процитировавъ, кромѣ Тютчева, еще Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Рылѣева и др., причемъ цитаты какъ разъ говорятъ о порываніяхъ къ свободѣ внутри отсталой страны послѣ обнаружившагося ея контраста съ культурой Франціи,—В. Львовъ-Рогачевскій переходитъ къ періоду послѣ 1815 года, когда „Освободитель Европы“ вернулся побѣдителемъ изъ Парижа. Какой же оборотъ приняли дѣла тогда?

„Благими намѣреніями,—говоритъ нашъ авторъ,—былъ вымощенъ адъ русской жизни, но претворить обѣщанія въ жизнь такъ и не пришлось. Вмѣсто „рабства падшаго“, увидѣли рабство утвержденное... и скоро „дней Александровыхъ прекрасное начало“ пришло къ печальному концу. Колебаніямъ и заигрываніямъ съ общественностью былъ положенъ предѣлъ“ (136). „Все, что Владыка Сѣвера обѣщалъ предъ лицомъ Европы въ моментъ опасности, все это было забыто теперь“... Наконецъ, для полноты аргументовъ, авторъ еще изъ записокъ Вигеля цитируетъ: „Тогда, по мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать съ лицъ, но, увы, какъ будто началъ слабѣть энтузіазмъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ русскій въ своей незрѣлости отъ барина до мужика. Бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ея какъ будто ужъ никогда и не бывало“...

Но, чтобъ не оставить никакихъ сомнѣній въ читателѣ, В. Львовъ-Рогачевскій не ограничивается 1812 г. „Со времени Отечественной войны — говоритъ онъ — страна не даромъ прожила 100 лѣтъ. На Севастополь Россія отвѣтила 61 годомъ, на Портъ-Артуръ—пятымъ годомъ“...

Теперь, надѣюсь, читателю совершенно ясно, что В. Львовъ-Рогачевскій настоящая находка для В. Вольскаго. Когда послѣдній долженъ былъ найти „пораженца“, чтобъ противъ него направить приведенныя выше справедливыя возраженія и аргументы, онъ врядъ ли отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что такого „пораженца“ поневолѣ онъ можетъ найти тутъ же, по сосѣдству. Вотъ уже подлинно: никогда нельзя знать, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь...

IX. Заключеніе.

Тяжелое, грустное впечатлѣніе производятъ и сборникъ въ цѣломъ, и та эволюція группы марксистовъ, выраженіемъ которой онъ является.

Уже первый фазисъ этой эволюціи, несмотря на свой—съ внѣшней стороны—такъ сказать, бойкотистскій характеръ, выразившійся въ формулѣ „не противодѣйствовать“, на самомъ дѣлѣ, съ принципіальной и реально-политической стороны, сводился именно къ „содѣйствію“. Второй фазисъ, когда поднятъ былъ флагъ, на которомъ значился новый принципъ, съ большей откровенностью выдвигалъ содѣйствіе, хотя и мѣнялъ кореннымъ образомъ его мотивы, приспособляясь къ новому флагу. Отъ этого второй фазисъ не могъ сдѣлаться шагомъ впередъ по сравненію съ первымъ.

Смѣна фазисовъ опредѣлилась обстоятельствами внѣшними, независящими отъ данной группы. Основа обоихъ фазисовъ—„пріятіе“. Поэтому и выводы, въ концѣ концовъ, у группы получаются одинаковые,—при всемъ различіи, а то и противоположности аргументовъ, „философіи“ этого пріятія. Отсюда печать эмпиризма и явной тенденціозности на всей аргумен-

таціи, печать несогласованности и эклектизма, — несмотря на пускаемую порою въ ходъ марксистскую фразеологію.

На грустныя мысли способно навести это явленіе. Рядъ авторовъ-марксистовъ (въ томъ числѣ и видныя имена), серьезно трактующихъ острыя проблемы современной критической эпохи безъ малѣйшей попытки марксистскимъ анализомъ опредѣлить смыслъ переживаемаго перелома, благодаря чему весь сборникъ методологически превращается въ сплошное petitio principii. Суженіе кругозора до того, что за его предѣлами остаются самыя сложныя и важныя проблемы, выдвинутыя міровымъ кризисомъ. Существенное принципіальное расхожденіе съ провѣренными жизнью положеніями міровой демократіи. Попытка коллективнымъ литературнымъ выступленіемъ „разъяснить" международность при помощи „порыва",—притомъ въ моментъ, когда онъ именно создалъ самый болѣзненный кризизъ, переживаемый международной демократіей. Попытка пустить въ демократію національный туманъ въ моментъ роста націолиберализма въ обществѣ. Все это, въ связи съ ослабленіемъ идейныхъ спаекъ, какое всегда сопутствуетъ катастрофическимъ періодамъ, и съ указанной выше роковой способностью нашихъ фракціонныхъ группировокъ питать собою и логику идейной борьбы, — все это способно вызвать мысль объ опасности возникновенія въ марксистскомъ лагерѣ новообразованія, подобнаго тому, какое въ свое время представили печальной памяти „Вѣхи" въ лагерѣ либеральной демократіи.

Я полагаю, однако, что такая мысль не имѣетъ достаточно корней въ реальной обстановкѣ.

Правда, какъ періодъ реакціи, породившій „Вѣхи", такъ и нынѣшній періодъ міровой катастрофы—моменты благопріятные для идейныхъ кризисовъ, дѣй-

ствующіе, какъ лакмусова бумага. Но, вѣдь, и она способна выявить лишь то, что есть—въ данномъ случаѣ, лишь тотъ идейно-психологическій уклонъ, который и до того имѣлся въ данной группѣ, какъ опредѣленной соціальной средѣ. Но именно *соціальной* почвы для такого новообразованія группа участниковъ даннаго сборника не представляетъ. Лучшимъ доказательствомъ этого, помимо ея прошлаго, служитъ и тотъ фактъ настоящаго, что большая часть представителей того же марксистскаго теченія (въ томъ числѣ—имена, во всякомъ случаѣ не менѣе видныя) остались совершенно свободными отъ разсмотрѣнныхъ блужданіи. И это обстоятельство, конечно, спасло идейную репутацію даннаго теченія въ соотвѣтствующихъ кругахъ.

Къ тому же, моментъ появленія „Вѣхъ" былъ началомъ длительнаго торжества реакціи и концомъ потерпѣвшаго крахъ широкаго общественнаго движенія. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ мы приближаемся къ моменту, который скорѣе можетъ быть охарактеризованъ какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ.

Наконецъ, разсмотрѣнныя выше печальныя блужданія представляютъ собою—въ томъ нѣтъ сомнѣнія—продуктъ исключительнаго соціально - психическаго шока, который въ другихъ странахъ натворилъ не меньше бѣдъ въ области демократическаго сознанія. Пройдетъ онъ,—и логика жизни схватитъ, такъ сказать, за шиворотъ авторовъ сборника и поставитъ ихъ снова на марксистскіе рельсы. Признаки этого уже и теперь на-лицо. Конечно, лакмусова бумага остается въ силѣ; но то, что она обнаружила, это лишь недостаточная принципіальная устойчивость ряда отдѣльныхъ марксистовъ, притомъ *внѣ обязательной связи съ фракціонными дѣленіями прошлаго времени*.

Пройдетъ дѣйствіе психическаго шока и очистится,

приобрѣтетъ вновь устойчивость идейная атмосфера И тогда отъ всего эпизода останется воспоминанiе „своернаго анекдота“,—жалкой попытки спасти во что бы то ни стало потерпѣвшую крахъ первоначальную позицiю „прiятiя“. Останется попытка въ видѣ сборника, который почему-то названъ марксистскимъ сборникомъ „Самозащита“, въ то время, какъ онъ представляетъ собою „марксистскiй“ сборникъ авторовъ въ цѣляхъ ихъ самозащиты,—и самозащиты болѣе, чѣмъ неудачной.

